



КЛАССИ-
ЧЕСКАЯ
И
СОВРЕ-
МЕННАЯ
ПЬЕСА



Теннесси

УИЛЬЯМС

Кошка
на раскаленной
крыше

*Кошка
на раскаленной крыше*

Теннесси Уильямс

Кошка на раскаленной крыше

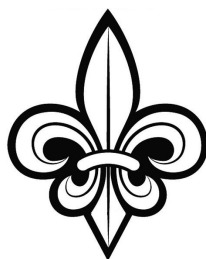
Аннотация

«Кошка на раскаленной крыше» принесла наибольший успех и вторую Пулитцеровскую премию американскому драматургу, поэту и прозаiku Уильямсу Теннесси (настоящее имя Томас Ланир Уильямс).

Богатый тexasский плантатор, «Большой Па», как называют отца сыновья и мать, неизлечимо болен, дни его сочтены. К 65-летию патриарха собираются все родственники. Самый главный вопрос – кому достанется наследство?

На сцене кипят нешуточные страсти: любовь и ненависть, предательство и благородство, одиночество человека в равнодушном обществе, стремление укрыться от жестокой жизни в выдуманном мире, недолговечность и хрупкость красоты, отсутствие взаимопонимания у людей, порой самых близких. Пьеса Уильямса, полная пронзительного психологизма, ставилась во многих странах мира, по пьесе снят фильм.

Уильямс и по сей день остается одним из самых востребованных театральных авторов.



Теннесси Уильямс Кошка на раскаленной крыше

Действующие лица

(В порядке появления)

Маргарет

Брик

МЕЙ (она же сестрица)

Большая Мама

Дикси, маленькая девочка

Большой Папа

Священник Тукер

ГУПЕР (он же Братец)

Доктор Бау

Лейси, слуга-негр

Зуки, маленькая девочка

Два маленьких мальчика

Действие первое

Когда поднимается занавес, через полуоткрытую дверь слышно, что кто-то принимает душ в ванной. Красивая молодая женщина с озабоченным видом входит в спальню и подходит к двери в ванную.

МАРГАРЕТ (старается перекрычать шум воды): Один из этих недоделанных уродов запустил в меня масляным бисквитом: теперь надо переодеться!

Маргарет говорит одновременно и быстро, и растягивая слоги. Произносятся длинные пассажи, она напоминает священника, нараспев читающего молитву: вдох делается после конца строки, поэтому фраза завершается на последнем дыхании. Иногда Маргарет перемежает свою речь негромким пением без слов, типа «Па-па-па!»

Шум воды прекращается и Брик откликается, хотя его все еще не видно. В его тоне слышно вежливо преувеличенная заинтересованность, маскирующая полное безразличие к жене.

БРИК: Что ты сказала, Мэгги? Вода шумит, я ничего не слышу.

МАРГАРЕТ: Я просто сказала, что один из этих уродов испортил мое кружевное платье, теперь надо переодеваться...

БРИК: Почему ты называешь их уродами?

МАРГАРЕТ: Потому что у них нет шеи.

БРИК: Совсем нет шеи?

МАРГАРЕТ: Я, по крайней мере, не заметила. Жирные головки наклеплены на жирные тушки без малейшего промежутка.

БРИК: Плохо дело.

МАРГАРЕТ: Куда хуже, даже шею им не свернуть, потому что ее просто нету! Правда, милый? (Снимает платье, остается в нижней шелковой сорочке цвета слоновой кости. Слышен визг детей снизу.) Слышишь, как вопят? И где только у них голосовые связки – ведь шей-то у них нет. Знаешь, они меня до того довели сегодня за столом, что я уж думала:

сейчас не выдержу и заору так, в соседних штатах услышат. Я все-таки сказала твоей очаровательной невестке: «Мей, милочка, а не посадить ли твоих драгоценных крошек за отдельный стол с клеенкой, а? Они такую грязь развели, а кружевная скатерть такая красивая!» Она сделала большие глаза и говорит: «Что ты, что ты, что ты, что ты! В день рождения Большого Папы? Да он мне никогда такого не простит!» А он, между прочем, и двух минут с этими уродами не просидел, да как шваркнет вилкой об стол, да как заорет: «Черт возьми, Гупер, этим свиньям только из корыта на кухне жрать!» Клянусь, я чуть не померла со смеху! Ты только подумай, Брик, у них уже пятеро, и шестой на подходе. Они ведь свой выводок словно на ярмарку сюда привезли, напоказ. И все время их заставляют что-нибудь эдакое продемонстрировать: «Сделайте то, сделайте се. Прочти стишок, встань на голову!» Да еще постоянные намеки, что, дескать, у нас с тобой детей нет, ты заметил, милый, что у нас с тобой детей нет, а? Не заметил. А раз мы бездетные, то и вовсе бесполезны! Смешно, конечно, но и противно, насколько они не скрывают своих намерений.

БРИК (безучастно): А какие у них намерения, Мэгги?

МАРГАРЕТ: Ты сам прекрасно знаешь!

БРИК (появляясь в дверях): Ничего не знаю.

Он стоит при выходе из ванной, одной рукой вытирая голову полотенцем, а другой, опираясь на полотенцесушитель, потому что нога у него в гипсе. Он еще строен и крепок, как юноша. Явных следов алкоголизма не заметно. Дополнительный шарм ему придает некая спокойная отчужденность, характерная для людей, махнувших на все рукой и оставивших всякую борьбу. Но в моменты раздражения словно молния проскакивает среди ясного неба, и тогда становится понятно, что в глубине души он вовсе спокоен. Может быть, при более ярком освещении можно было бы заметить, что он уже начал расплываться, однако в теплых закатных лучах, пробивающихся с балкона, он выглядит прекрасно.

МАРГАРЕТ: Я тебе могу рассказать все об этих намерениях, дорогой. Они хотят, чтобы тебе не досталось отцовское наследство... (Перед следующей репликой она на какую-то минуту замолкает. Голос ее падает, словно она признается в чем-то неприятном.) А мы уж точно знаем, что Большой Папа умирает от рака. (С лужайки доносятся голоса, зовущие детей. Маргарет поднимает руки и с легким взмахом пудрит подмышки. Затем устанавливает вогнутое зеркало, поправляет ресницы, порывисто встает.) Слишком много света в комнате.

БРИК (мягко, но быстро): Точно знаем?

МАРГАРЕТ: Точно знаем что?

БРИК: Что Большой Папа умирает от рака?

МАРГАРЕТ: Сегодня пришли результаты анализов.

БРИК: Вот как...

МАРГАРЕТ (опускает бамбуковые жалюзи, образующие длинные обрамленные золотом тени на полу): Именно так. Получили заключение сегодня... Ничего нового для меня, мой милый... (В ее голосе чувствуется музыка, иногда он звучит низко, вроде мальчишеского, и мы можем представить себе, как в детстве она играла в мальчишеские игры.) Я еще в начале года все поняла, когда мы приезжали в марте, и готова поручиться, что твой Братец с женой были не глупее меня. Вот тебе и объяснение, почему они решили всем семейством заявиться сюда на все лето, в самое пекло. И почему столько разговоров последнее время про Рейнбоу Хилл. Знаешь, что такое Рейнбоу Хилл? Ах, ты не знаешь? Это заведение, где лечат алкоголиков и наркоманов из Голливуда.

БРИК: Никогда не был в Голливуде.

МАРГАРЕТ: И, слава богу, не наркоман. Пока. А в остальном – вполне подходящая кандидатура для Рейнбоу Хилл. Они спят и видят, чтобы тебя туда сплавить. Но это уж только через мой труп! Впрочем, мой труп им тоже кстати, главное, тебя сплавить. Тогда твой Братец станет распорядителем кредитов и будет нам выдавать единовременное пособие на бедность, а то еще возьмет под опеку, и тогда на каждом чеке потребуются его подпись.

Сукин сын! Ах, какой сукин сын! Как тебе нравится, милый? А сам ты просто из кожи вон лезешь, чтобы все так и было, под их диктовку! Работу забросил, профессиональным пьяницей. Да ты еще ногу вчера сломал на стадионе. Что ты там делал? Брал барьеры!? Это в два часа утра. Потрясающе! Зато попал в газету: «Вчера ночью на стадионе колледжа в Глориоз Хилл состоялось показательное выступление одного бывшего спортсмена, который не мог справиться с первым же препятствием, потому что был не в лучшей форме». Твой Братец Гупер уверяет, что употребил все свое влияние, чтобы эта новость не дошла до национальной прессы через Эй-Пи или Ю-Пи-Ай, черт их разберет! Это ты читаешь всю эту ерунду. Но знаешь, Брик, у тебя есть одно громадное преимущество!

Во время этого словесного водопада Брик лениво развалился на белоснежной постели.

БРИК (сухо): Ты что-то говоришь, Мегги?

МАРГАРЕТ: Да, говорю, милый, твой отец жить без тебя не может, милый. А Братца с женой просто не выносит, особенно Мей! Она ему противна, а знаешь, чем? – своей плодовитостью! Я не слепая! У него все лицо дергается, стоит ей начать свою любимую историю, как она отказалась от наркоза, когда рожала своих двойняшек. Женщина, видите ли, – говорит она, – должна через все-все пройти до конца, чтобы в полной мере испытать всю красоту и тайну материнства! Ха-ха-ха! (Это громкое «Ха!» сопровождается каким-нибудь резким движением: например можно с шумом задвинуть ящик комода.) Она еще Братца Гупера заставила стоять рядом с ней в родильной палате, а то вдруг он, бедняжка, что-нибудь упустит из «красоты и тайны» появления на свет уродов без шеи! (Подобный пассаж мог бы звучать отталкивающе в любых условиях, но не у Маргарет. Это звучит необычайно весело, потому что в глазах у нее все время вспыхивает искорка смеха; в голосе тоже слышен добродушный смех.) В отношении этой парочки мы с твоим отцом заодно! Ну, а меня, – меня он терпит: я рассмешу его пару раз, он доволен. Я даже склонна думать, что он испытывает ко мне... влечение. Ты знаешь, что есть такое слово – влечение, мой милый? Или забыл? Подсознательное...

БРИК: И почему ты думаешь, что он испытывает это к тебе?

МАРГАРЕТ: Ты бы видел, как он шарит глазами по моему телу, когда я говорю с ним. Глаза бегают, а сам губы облизывает!

БРИК: Ты гнусно говоришь, Мегги.

МАРГАРЕТ: Прости, я забыла, что ты у нас пуританин, Брик! А мне даже нравится, что старик на пороге смерти готов оценить красоту по достоинству! А еще знаешь что? Большой Па даже не знает, сколько маленьких Гуперов и Мей живет на свете. «И много ли у вас детей?» – спросил он за столом, будто Братец с женой впервые пришли к нему в гости. Большая Ма уверяет, что он шутил, но старик не шутил, нет. А когда они сообщили ему, что детей числом пять, а шестой планируется, он выглядел, я бы сказала, неприятно удивленным. (Детский крик за окном.) Громче, уроды! (Поворачивает к Брику с неожиданной, веселой, очаровательной улыбкой, которая тут же потухает, когда она видит, что он смотрит не на нее, а уставился в пространство перед собой с озабоченным видом. Именно это постоянное отталкивание ожесточает ее юмор.) Жалко, не было тебя за столом, мой милый. (Когда она обращается к нему «мой милый», это звучит как ласка.) И знаешь, твой отец – прелестный и талантливый старик – так и просидел, уткнувшись в тарелку, весь вечер, будто нарочно не хотел ничего замечать. Ну, а Мей и Гупер уселись бок о бок напротив него и несли всякую чушь об уме и талантах своих уродов, сидели, впиваясь глазами в его лицо, словно два коршуна. (Изображает сцену в лицах.) И без конца то толкали друг друга, то щипали, то на ноги наступали. Все время подавали какие-то знаки, сигналы, как два шулера за картами с простакими! Даже твоя мать, не самая сообразительная женщина на свете, и та, наконец, заметила и сказала Гуперу: «Гупер, что это вы с Мэй все переглядываетесь и перешептываетесь?» Я чуть не подавилась в эту минуту! (Маргарет, сидя за туалетным столиком, не видит лица Брика. Он смотрит на нее, но не непонятно, что это за взгляд. Забавляет ли его болтовня, шокирует или вызывает чувство презрения – трудно сказать. Всего понемногу, но есть и что-то еще.) Твой Братец воображает, будто совершил

гигантский прыжок вверх по социальной лестнице, когда женился на мисс Мей Флинн мемфисских Флиннов. (Говоря, она расхаживает по комнате, задерживается перед зеркалом, снова расхаживает.) Но я могу его сильно огорчить. У этих Флиннов, кроме денег, никакой собственности не было, да и денег сильно поубавилось. Обыкновенные выскочки. Хотя я и моложе, – ты запомнил, что я моложе, милый? – и окончила школу Нэшвилле, но друзья из Мемфиса все мне про Мей рассказали, так что я знаю, кто есть кто. А папаша Флинн вообще чуть не угодил в федеральную тюрьму за темные махинации на бирже, когда все его магазины прогорели. А если Мей и стала однажды королевой ситцевого бала, так они об этом все уши прожужжали. Вот уж какой чести я не позавидую! Провозят тебя на бронзовом троне по улице, а ты улыбайся и посылай воздушные поцелуи всякому сброду. (Вынимает пару сандалий с отделкой из драгоценных камней и бросает и бросается к туалетному столику.) А то еще будет, как с бедненькой Сюзи Макеритерс в позапрошлом году. Знаешь, что с ней случилось?

БРИК (рассеяно): Нет. А что с ней случилось?

МАРГАРЕТ: Кто-то в нее харкнул табачной жвачкой.

БРИК (словно во сне): Харкнул табачной жвачкой?

МАРГАРЕТ: Ну да, какой-то пьянчуга высунулся из окна гостиницы и заорал: «Эй, королева, эй-эй!» Бедняжка Сюзи повернулась к нему ангельской улыбкой, а он как харкнет табачной жвачкой прямо ей в лицо.

БРИК: А ты откуда знаешь?

МАРГАРЕТ (беззаботно): Как – откуда знаю? Да я там была и сама видела.

БРИК (рассеяно): Наверное, смешно было.

МАРГАРЕТ: Только не для Сюзи. Она завершала, будто ее режут. Пришлось остановить процессию, снимать ее с трона... (Видит в зеркале выражение его лица, слегка переводит дыхание и резко поворачивается к нему лицом. Пауза десять секунд.) Почему ты так смотришь на меня?

БРИК (тихо насвистывая): Как, Мегги?

МАРГАРЕТ (напряженно, со страхом): Ну, вот только что, когда я взглянула в зеркало, а ты начал свистеть. Мне даже нехорошо стало! И я заметила – ты очень часто на меня так смотришь. О чем ты думаешь в этот момент?

БРИК: Я не создавал, что смотрю именно на тебя, Мегги.

МАРГАРЕТ: Зато я создала! О чем ты думал?

БРИК: Не помню, Мегги. Ни о чем.

МАРГАРЕТ: Думаешь, я не знаю?

БРИК (холодно): Что ты знаешь, Мегги?

МАРГАРЕТ (рыдает долго и страшно. С трудом подбирает слова): А то, что во мне произошло... какое-то страшное... перерождение. Я стала грубая, бесцеремонная (добавляет, почти с нежностью) и жестокая! Вот ты и заметил! Невозможно было не заметить. Я стала... не такой уязвимой, мне нельзя быть больше уязвимой, нельзя. (Полностью овладев собой.) Но знаешь, Брик?

БРИК: Ты что-то сказала?

МАРГАРЕТ: Нет, только собиралась. Я хотела сказать, что становлюсь одинокой. Очень одинокой!

БРИК: Все к этому приходят...

МАРГАРЕТ: Оказывается, можно быть одинокой, когда живешь с человеком, которого любишь. Даже больше, чем когда рядом нет никого и ты совершенно одна. Если он не любит тебя...

Пауза. Брик, хромая, идет к авансцене и спрашивает, не глядя на нее.

БРИК: А ты хотела бы жить совершенно одна, Мегги?

Еще пауза. У нее перехватило дыхание. Затем, справившись с собой, она кричит.

МАРГАРЕТ: Нет! Пока нет! Нет! Ни за что на свете! (Еще раз судорожно вздыхает. Еле сдерживается, чтобы не разрыдаться, потом с огромным усилием переключается на текущие

дела.) Приятно быть под душем?

БРИК: Угу.

МАРГАРЕТ: Вода прохладная?

БРИК: Нет.

МАРГАРЕТ: Но тебя она освежила?

БРИК: Немного...

МАРГАРЕТ: Я знаю, чтобы тебя сразу освежило.

БРИК: Что?

МАРГАРЕТ: Растирание спиртом. Или одеколоном!

БРИК: Одеколон хорош после тренировки, а я уже давно не тренировался, Мегги.

МАРГАРЕТ: Но ты в хорошей форме.

БРИК (безразлично): Ты так думаешь, Мегги?

МАРГАРЕТ: Я всегда думала, что алкоголики быстро теряют свежий вид, но я ошиблась.

БРИК (сухо): Спасибо.

МАРГАРЕТ: Ты единственный алкоголик на моей памяти, который не расплылся.

БРИК: Я становлюсь дряблым, Мегги.

МАРГАРЕТ: Рано или поздно это случиться. И Скиппер уже начал было сдавать, когда... (Внезапно замолкает.) Прости. А я-то мечтала: вдруг алкоголь тебя обезобразит и тогда страдания великомученицы Мегги станут не такими жуткими. Но нет в жизни счастья, нет. Ты будто еще похорошел с тех пор, как подружился с бутылкой. Мускулы разгладились, движения стали мягче; не подумай, что ты спортсмен. (Слышно, как на лужайке играют в крокет; стук молотков и отдаленные голоса.) Впрочем, ты всегда выступал, будто тебе и не важно, как закончится игра. А сейчас, когда ты проиграл, просто ушел с поля, в тебе появилось какое-то новое очарование. Очарование побежденных. Я встречала его у стариков и безнадежно больных. Ты всегда так спокоен, невозмутим. (Доносятся звуки музыки.) А там все играют в крокет. Луна появилась. Белая-белая. Только начинает немного темнеть... Ты был потрясающим любовником, Брик, потрясающим. Я думаю, потому что сам был всегда равнодушен к постели. Разве я не права? Все было естественно. Просто, само собой. И, так ни странно, такое безразличие украшало тебя. И знаешь, если б я поняла, что мы никогда, никогда больше не будем вместе, я бы бросилась в кухню, схватила бы самый длинный и острый нож и проткнула себе сердце. Клянусь тебе! Только у меня никогда не будет очарования побежденных, никогда! Хотя сдаваться я не собираюсь, но и победы боюсь! (С лужайки вновь доносятся стук крокетных молотков.) Это будет победа драной кошки на раскаленной крыше. Ее задача – как можно дольше продержаться там, насколько хватит сил... А там все играют в крокет! (Игра в крокет набирает темп.) Сегодня поздно вечером я снова скажу тебе, что люблю, и, наверное, ты будешь настолько пьян, что, может быть, и поверишь мне. А там все играют в крокет... И Большой Па умирает от рака... О чем ты думал, когда я поймала на себе твой взгляд? Ты думал о Скиппере? (Брик берет костыль, встает.) Ах, прости, прости. Но игра в молчание когда-то подходит к концу. (Брик подходит к бару, быстро выпивает порцию виски и растирает голову полотенцем.) Она не может длиться вечно... Если что-то грызет твою память и рвет воображение, молчание не поможет. Нельзя запереть горящий дом на ключ в надежде забыть о пожаре. Сам по себе пожар не утихнет. Если о чем-то долго молчишь, оно растет, растет в тишине, как опухоль... Пора одеваться, Брик.

БРИК (роняет костыль): Я уронил костыль. (Он уже не вытирает голову, но еще стоит у полотенцесушителя в белом махровом халате.)

МАРГАРЕТ: Обопрись на меня.

БРИК: Не хочу. Дай мне костыль.

МАРГАРЕТ: Обопрись на мое плечо.

БРИК (неожиданно вырываясь): Не хочу я опираться на твое плечо, дай мне костыль! Ты дашь мне костыль, или мне на четвереньках ползти...

МАРГАРЕТ: Вот он, вот, возьми! (Резко протягивает ему костыль, почти толкая его.)

БРИК: Спасибо...

МАРГАРЕТ: Не стоит кричать друг на друга. В этом доме стены имеют уши... (Брик, хромая, идет к бару.) Давно ты так не кричал на меня, Брик... Что-то в тебе надломилось... Это хороший знак. У игрока обороны сдают нервы.

БРИК (оборачивается и безучастно улыбается ей со стаканом в руке): А его все нет, Мегги.

МАРГАРЕТ: Кого?

БРИК: Щелчка, который я слышу, когда нагружаюсь до нормы. А после – полный покой... Ты не сделаешь мне одолжение?

МАРГАРЕТ: Может быть: Какое?

БРИК: Просто говори потише.

МАРГАРЕТ (хриплым шепотом): Я сделаю тебе такое одолжение, могу и совсем замолчать, если ты тоже сделаешь мне одолжение и забудешь о выпивке, до конца сегодняшнего торжества.

БРИК: Какого торжества?

МАРГАРЕТ: Дня рождения Большого Папы.

БРИК: А сегодня день его рождения?

МАРГАРЕТ: Ты прекрасно знаешь!

БРИК: Но я совершенно забыл.

МАРГАРЕТ: Так я тебе напоминаю...

Они оба ведут себя, как пара мальчишек после ожесточенной драки: тяжело дышат и подозрительно поглядывают друг на друга издалека.

БРИК: Твоя взяла, Мегги.

МАРГАРЕТ: Черкни только пару слов на этой открытке.

БРИК: Сама напиши.

МАРГАРЕТ: Это твой подарок и рука должна быть твоей. Свой я ему уже отдала.

Напряженность между ними вновь возрастает, голоса вновь становятся пронзительными.

БРИК: Я не покупал ему подарка.

МАРГАРЕТ: Я купила за тебя.

БРИК: Ты покупала, ты и пиши.

МАРГАРЕТ: А он пусть поймет, что ты просто забыл о его дне рождения?

БРИК: А я и забыл.

МАРГАРЕТ: Так нечего об этом трезвонить.

БРИК: Не хочу его обманывать.

МАРГАРЕТ: Напиши: «С любовью, Брик» – вот и все: ведь надо.

БРИК: Раз не хочу – значит, не надо. Ты все время забываешь про условия, на которых я остался с тобой.

МАРГАРЕТ (выпаливает раньше, чем успевает подумать): Ты остался со мной! Ты остался со мной! Да мы просто сидим в одной клетке!

БРИК: Ты должна соблюдать условия.

МАРГАРЕТ: Их невозможно выполнить!

БРИК: Тебя никто не заставляет...

МАРГАРЕТ: Тише! Кто там? Кто там за дверью?!

В холле раздаются шаги.

МЕЙ (за дверью): Можно зайти на минутку?

МАРГАРЕТ: Ах, это ты, Мей! Конечно, заходи, доргая!

Входит Мей, неся над головой снаряжение для стрельбы из лука для женщин.

МЕЙ: Брик, это твое?

МАРГАРЕТ: Да нет же, Мей, это приз Дианы – Охотницы. Я выиграла на соревнованиях в колледже.

МЕЙ: Разве можно оставлять без присмотра такие штуки в доме, где полно детей? Дети с нормальным развитием обожают играть с оружием.

МАРГАРЕТ: «Дети с нормальным развитием», если они воспитаны, не хватают чужие вещи.

МЕЙ: Мегги, милочка. Если бы у тебя были дети, ты бы поняла, как смешно звучат твои слова. Будь добра, запри это, а ключи убери подальше.

МАРГАРЕТ: Не бойся, Мей, твоим детям ничто не угрожает. У нас с Бриком есть лицензии на охоту с луком и стрелами. Как только откроется сезон, мы поедем на озеро охотиться на оленей. С собаками, бегом, по лесам... (Уходит со снаряжением в чулан.)

МЕЙ: Как твоя нога, Брик? Болит?

БРИК: Не болит. Только чешется.

МЕЙ: Ах, Брик, как жаль, что тебя не было в гостинной после ужина. Дети устроили концерт. Полли играла на рояле, Бастер и Снни – на ударных. А потом потушили свет и Дикси и Трикси танцевали на пуантах, все в блестках, словно феи! Большой Па буквально сиял от счастья!

МАРГАРЕТ (из чулана, с коротким смешком): Что ты говоришь! Я не прощу себе, что мы пропустили такое удовольствие! (Выходит из чулана.) Мей, все хочу спросить у тебя. Почему ты дала твоим детям собачьи клички?

МЕЙ: Собачьи?

Маргарет произносит свою реплику, направляясь поднять бамбуковые шторы, так как закатные лучи уже не так ярки. По дороге она подмигивает Брику.

МАРГАРЕТ (сладким голосом): Дикси, Трикси, Бастер, Санни, Полли! Четыре собачонки и попугай... Так и просятся в цирковой номер!

МЕЙ: Мегги! (Маргарет оборачивается к ней с улыбкой.) Откуда у тебя эти кошачьи ужимки?

МАРГАРЕТ: А я и есть кошка! Ты что, шуток не понимаешь?

МЕЙ: Я обожаю, но только остроумные. Ты прекрасно знаешь их настоящие имена. Бастер – это Роберт, Санни – Сандерс, Трикси – Марлена, а Дикси... (Кто-то зовет ее снизу: «Мей, Мей!», она бросается к двери.) Меня зовут, антракт кончился!

МАРГАРЕТ (после того, как дверь за Мей закрылась): Интересно, а как на самом деле зовут Дикси? Неужели я действительно так похожа на кошку? Но почему меня гложет зависть и терзает желание? Брик, я достала твой вечерний шелковый костюм и рубашку с монограммой. А в манжеты вставила чудесные запонки с сапфирами.

БРИК: Как же я надену брюки на гипс?

МАРГАРЕТ: Наденешь, я тебе помогу.

БРИК: Нет, я не буду одеваться, Мегги.

МАРГАРЕТ: Ну, надень хоть белую шелковую пижаму.

БРИК: Это можно.

МАРГАРЕТ: Спасибо. Большое спасибо, что вы соизволили снизойти.

БРИК: Не стоит благодарности.

МАРГАРЕТ: Брик! Сколько еще может длиться это наказание? Разве я не отбыла свой срок? Могу я подать прошение о помиловании?

БРИК: Мегги, не порть удовольствие. Последнее время мне часто кажется, будто ты только что прибежала наверх предупредить о пожаре, так звучит твой голос.

МАРГАРЕТ: Не удивительно. Совсем не удивительно. Если бы ты знал, что твориться со мной, Брик! (Внизу дети и взрослые поют песню «Моя дикая ирландская роза».) Я все время чувствую себя кошкой на раскаленной крыше.

БРИК: Так спрыгни с крыши, Мегги, спрыгни! Кошка всегда приземляется на все четыре лапы! И знаешь что – заведи себе любовника!

МАРГАРЕТ: Удивительная мысль и главное – оригинальная, но для меня другие мужчины пока не существуют! Закрою глаза – и снова вижу тебя! Хоть бы ты подурнел, Брик, растолстел, что ли, все было бы легче. (Открывает дверь в холл, прислушивается.)

Концерт еще в полном разгаре! Браво, уроды, браво! (Со злостью захлопывает дверь и запирает ее на ключ.)

БРИК: Зачем ты заперла дверь?

МАРГАРЕТ: Чтоб хоть ненадолго остаться с тобой наедине.

БРИК: Но ты прекрасно понимаешь, Мегги...

МАРГАРЕТ: Ничего я не понимаю. (Бросается к балконной двери и опускает розовые шторы.)

БРИК: Мегги, мне неловко за тебя.

МАРГАРЕТ: Неловко? Тогда не надо меня мучить. Я больше не в силах так жить.

БРИК: Но ты же соглашалась...

МАРГАРЕТ: Знаю, но...

БРИК: На определенные условия, так выполняй их.

МАРГАРЕТ: Не могу! Не могу! Не могу! (Хватает его за плечо.)

БРИК: Пусти!

Вырывается, хватая маленький будуарный стульчик и поднимает над головой, словно цирковой укротитель перед большой дикой кошкой. Пауза пять секунд. Она смотрит на него долгим взглядом, зажав рот кулаком, потом раздражается пронзительным, почти истерическим смехом. Он приходит в себя, криво улыбаясь, опускает стул на пол. За дверью раздается голос Большой Мама.

БОЛЬШАЯ МА: Брик! Брик!

БРИК: В чем дело, Ма?

БОЛЬШАЯ МА (за дверью): Ах, мальчик мой, мы получили такие чудесные известия насчет Большого Папа. Я тут же побежала сказать тебе. (Дергает за ручку двери.) Вы зачем запираетесь? Что, я не видела его раздетым? Откройте скорее! И что за манера запирасть двери!

МАРГАРЕТ: Большая Ма!

Большая Ма появляется через балконную дверь за спиной Маргарет, тяжело дыша и отдуваясь, как старый бульдог. Это невысокая женщина лет шестидесяти с постоянной отдышкой. Почти всегда она находится в напряжении, словно боксер на ринге или, скорее, дзюдоист. По социальному происхождению она несколько выше Большого Па, но не намного. На ней платье с черными или серебряными кружевами и многочисленными бриллиантами общей стоимостью в полмиллиона. Человек она очень искренний.

БОЛЬШАЯ МА (громко, так что Маргарет вздрагивает от неожиданности): А вот и я... Прошла через комнату Гупера и Мей на галерею. Где Брик? Брик, идем скорей. Я к тебе на минутку, чтобы порадовать новостью про Большого Па. Ненавижу, когда в доме запирают двери...

МАРГАРЕТ (с преувеличенной легкостью): Я успела заметить это. Но людям хотя бы иногда необходимо побыть одним, вы не согласны?

БОЛЬШАЯ МА: Нет, не согласна, Мегги, только не в моем доме. Что это ты платье сняла? Такое чудесное, все в кружевах, оно так шло тебе, дорогая.

МАРГАРЕТ: Мне оно тоже нравится, но один из ваших внуков – маленьких вундеркиндов – решил использовать его вместо салфетки.

БОЛЬШАЯ МА (поднимая чулки с пола): Что? Ну...

МАРГАРЕТ: Вы знаете, Гупер и Мей так болезненно воспринимают любое замечание по поводу их детей... Спасибо. (Большая Мама, ворча, сует Маргарет чулки.)... что нужна большая смелость, если хочешь намекнуть хотя бы на крохотные недостатки в их системе воспи...

БОЛЬШАЯ МА: Брик! Выходи скорее! Брось, Мегги, ты просто не любишь детей.

МАРГАРЕТ: Я очень люблю детей! Просто обожаю! Только хорошо воспитанных!

БОЛЬШАЯ МА (с нежностью в голосе): Почему бы тебе не завести своих и воспитывать их как надо, вместо того, чтобы без конца нападать на детей Гупера и Мей?

ГУПЕР (кричит с лестницы): Эй, Большая Ма! Бетси и Хью уже едут и хотят

попрощаться с тобой!

БОЛЬШАЯ МА: Пусть подождут! Сейчас спущусь! (Подходит к двери ванной.) Брик! Ты слышишь меня? (Раздается невнятное бормотание.) Мы только что получили заключение из лаборатории клиники Очнера. Все анализы дали отрицательный результат. Все до одного! Ничего серьезного у папы не нашли, просто спазмы. Ты меня слышишь?

МАРГАРЕТ: Он все слышит, Ма.

БОЛЬШАЯ МА: Тогда почему не отвечает? От такой новости надо кричать во всю глотку. Я заорала как сумасшедшая, честное слово. Разревелась, ноги подкосились, и – прямо на пол... Смотри! (Приподнимает полочку.) Видишь, синяк на коленке? Врачи подскочили, еле меня подняли! (Смеется. Она всегда весело смеется над собой.) Большой Па чуть меня не убил! Но ведь правда, замечательно? (Повернувшись к двери ванной, продолжает.) И после всего, что мы пережили, такой подарок ко дню рождения! Большой Па еще пытался скрыть, какой камень у него с души свалился, но меня не проведешь! Он сам чуть не разревелся! (Услышав, что гости внизу начинают прощаться, бросается к двери.) Задержите всех! Пусть не расходятся! Ну, одевайся скорее! Раз у тебя болит нога, мы будем праздновать день рождения Большого Па здесь. Как его нога, Мэгги?

МАРГАРЕТ: Он сломал ее.

БОЛЬШАЯ МА: Знаю, что сломал. Меня не это интересует. (В холле звонит телефон. Слышно, как слуга – негр отвечает: «Резиденция мистера Поллита».) Меня интересует, болит или нет.

МАРГАРЕТ: Боюсь, на подобные вопросы ответить может только Брик.

ЗУКИ (в холле): Мемфис вызывает вас, миссис Поллит. Мисс Салли.

БОЛЬШАЯ МА: Хорошо, Зуки. (Бросается в холл.) Алло, мисс Салли. Здравствуйте. Я как раз собиралась вам позвонить... Не болтайте ерунду. (Сильно кричит в трубку.) Мисс Салли! Никогда не звоните из отеля, такой гул стоит, что ничего не слышно. Ну, потом, вы же знаете, что теперь новая манера-все подслушивать. Алло, слышу. Теперь слушайте. Ничего страшного у Большого Па, слава Богу, нет. Только что пришли анализы, просто нервные спазмы. Спазмы толстого кишечника. (Появляется в дверях, обращается к Маргарет.) Мэгги, иди сюда, поговори с этой идиоткой. Я весь голос сорвала.

МАРГАРЕТ (воркует в трубку): Мисс Салли? Это Мэгги, жена Брика. Очень рада вас слышать. А вы меня слышите? Ну и чудесно. Большая Ма хотела вам сообщить, что пришли результаты анализов из клиники Очнера. Они нашли, что это нервные спазмы. Да, именно спазмы, мисс Салли. Спазмы толстого кишечника. До свидания, Мисс Салли, надеюсь, мы скоро увидимся. (Почувствовав, что мисс Салли не собирается кончать разговор, быстро вешает трубку. Возвращается в спальню.) Она прекрасно все слышала. Когда говоришь с глухими, нужно не кричать, а только четко произносить каждое слово. Моя богатая тетя Морнелия была глуха, как пень, но меня слышала, потому что я медленно и внятно говорила ей прямо в ухо. Я читала ей «Новости торговли» каждый вечер, со всеми объявлениями, ни одного не упускала. Но жадная была старуха! Знаете, что мне досталось в наследство? Подписка на пять журналов, членство в клубе любителей книги и библиотека: одна книга скучнее другой! А все остальное получила ее сестра, суций дьявол! Жаднее раз в сто!

Пока Маргарет говорит, Большая Ма приводит комнату в порядок.

БОЛЬШАЯ МА (закрывает дверцы чулана после того, как все туда уложила): Мисс Салли хорошая штучка! Большой Па говорит, что она своего не упустит. Я с ним согласна. Впрочем, несчастная старуха всегда ищет, чего бы урвать. Он, конечно, мало ей денег дает. (Ее зовут снизу.) Иду, иду! (Направляется к двери. Взявшись за ручку, показывает пальцем сначала на дверь ванной, потом на бар, как бы спрашивая: «Брик все пьет?». Маргарет делает вид, что не понимает этой пантомимы. Большая Ма бросается назад к Маргарет.) Перестань из себя разыгрывать дуру! Я спрашиваю: много он уже выпил сегодня?

МАРГАРЕТ (со смешком): Ах, это! Так, опрокинул бокал после ужина.

БОЛЬШАЯ МА: И ничего смешного! Некоторые бросают пить, когда женятся, а другие – начинают! Брик раньше не прикасался к спиртному!

МАРГАРЕТ (кричит): Это нечестно!

БОЛЬШАЯ МА: Честно, не честно, а я хочу знать: Брик счастлив с тобой?

МАРГАРЕТ: А почему вы не спросите, счастлива ли я с ним?

БОЛЬШАЯ МА: Потому что я знаю, что ты несчастлива, но меня это меньше интересует. Что – то у вас неладно! У тебя нет детей, а сын мой пьет! (Ее снова зовут. Направляясь к двери, указывает рукой на кровать.) Когда брак не клеится, причину надо искать в постели!

МАРГАРЕТ: Но, это ... (Большая Ма выбегает, захлопывает дверь.) ... Несправедливо!

Маргарет одна, совершенно одна и от этого подавлена. Она вся съеживается, горбится, подымает руки со сжатыми кулаками, крепко зажмуривает глаза, как ребенок, которому должны сделать укол. Открыв глаза, она вдруг замечает перед собой длинное овальное зеркало, бросается к нему, смотрит в него, скривив рот, и говорит: «Кто ты?» Затем, слегка согнувшись, отвечает себе другим голосом – высоким, тонким, издевательским: «Я Мэгги – кошка...» Услышав, что дверь ванны отворяется, мгновенно выпрямляется.

БРИК (из-за двери): Ушла?

МАРГАРЕТ: Ушла. (Брик, хромая, выходит из ванной с пустым стаканом в руке и, насвистывая, направляется к бару. Маргарет провожает его взглядом. Перед тем, как начать говорить, она неуверенно подносит руку к горлу, будто ей трудно говорить.) Видишь ли, Брик, наши супружеские отношения не просто прекратились, как бывает, когда люди надоели друг другу. Наша близость оборвалась сразу, вдруг. Но я верю, что все восстановится также неожиданно, как прекратилось. Я еще не махнула на себя рукой. Придет время, и ты снова увидишь меня такой, какой видят другие мужчины. Да, да, я еще привлекаю внимание, и мужчинам нравится то, что они видят. Не сомневайся. Смотри, Брик, смотри, какая у меня фигура. Ничуть не изменилась! (Голос у нее дрожит, как у ребенка, умоляющего о чем-то. В этот момент Брик бросает на нее взгляд, который можно сравнить с пасом во время игры в футбол: от игрока к игроку, еще одному, и – гол. С этой минуты Маргарет должна увлечь публику на столько, чтобы держать ее в напряжении до конца действия.) Лицо иногда бывает утомленным, но сама я в форме, не хуже, чем ты. На меня еще обращают внимание на улице. На прошлой неделе в Мемфисе, где бы я ни появлялась, меня провожали взглядами: в клубе, ресторане, магазинах. А на вечеринке у Алисы роскошный красавец пошел за мной и пытался ворваться в дамскую комнату.

БРИК: Почему ты его непустила, Мэгги?

МАРГАРЕТ: Потому, что, во-первых... Я не бегая за каждым встречным, хотя иногда, право, хочется. Знаешь, кто это был? Молодой Максвелл. Вот кто!

БРИК: А, молодой Максвелл. Прекрасный был нападающий. Получил травму, пришлось уйти из спорта.

МАРГАРЕТ: Но сейчас он совершенно здоров, не женат и смотрит на меня голодными глазами.

БРИК: В таком случае, почему ж ты его непустила?

МАРГАРЕТ: Чтобы меня тут же застукали? Я не так глупа. Когда-нибудь я все-таки изменю тебе, раз ты этого так хочешь. Но уж будь уверен, черт побери, что кроме меня и моего партнера никто никогда не узнает об этом. Давать тебе формальный повод к разводу я не собираюсь.

БРИК: Мэгги, ты знаешь, я не стану разводиться с тобой и повода не ищу. Просто вздохнул бы с облегчением, если бы у тебя кто-нибудь появился.

МАРГАРЕТ: Все равно, не стоит рисковать. Лучше уж оставаться на раскаленной крыше.

БРИК: Раскаленная крыша – неудобное место. (Тихо насвистывает.)

МАРГАРЕТ (не обращает внимания на свист): Но я продержусь на ней, сколько мне будет нужно.

БРИК: Ты можешь уйти от меня, Мэгги. (Продолжает свистеть. Она резко

оборачивается к нему с горящими глазами.)

МАРГАРЕТ: Не хочу и не уйду... пока!! А потом, если мы расстанемся, тебе пить будет не на что. Большой Па сейчас подбрасывает, но ведь он умирает от рака!

Впервые до Брика дошло, что отец его обречен. Он растерянно смотрит на Маргарет.

БРИК: Но мама сказала, что он будет жить. У него не нашли ничего серьезного.

МАРГАРЕТ: Это она так думает. Ей, сообщили версию, предназначенную для больного. Вот старики и радуются, бедняги... Но сегодня она все узнает. Когда Папа уже заснет, ей скажут, что опухоль у него злокачественная... И спасти его нельзя. (Со стуком задвигает ящик.) Это конец!

БРИК: А он знает?

МАРГАРЕТ: Черт побери, кто ж из людей думает, что умрет? И кто способен сказать другому: «Ты скоро умрешь»? Приходится обманывать. Да они сами себя обманывают.

БРИК: Почему?

МАРГАРЕТ: Почему? Потому что каждый мечтает о жизни вечной, вот почему. Но только на земле, а не на небе. (Брик коротко хохотнул ее мрачному юмору.) Да... (Прикасаясь пальцами к ресницам.) Такие дела... (Оглядывается.) Куда я положила сигарету? Не хватало еще спалить дом... Если так, то хорошо бы с Мей, Гупером и их уродами! (Нашла сигарету, жадно затягивается. Выпускает дым и продолжает.) Так что это последний день рождения Большого Па. Гупер и Мей все это знают. Еще бы. Первыми были в клинике. Вот и прискакали сюда со своим выводком. Неудивительно. А ты знаешь, что папа не оставил завещания? Он и не думал об этом никогда. Так что им главное сейчас довести до его сознания, что ты пьешь, а я бездетна.

Брик какое-то время не отрывает от нее взгляда, затем сердито бормочет что-то про себя и быстро ковыляет на галерею, исчезает в гаснущих лучах солнца.

МАРГАРЕТ (продолжает говорить нараспев, как в церкви): Ты ведь знаешь, я очень люблю твоего отца. Старик мне нравится.

БРИК (едва слышно): Да, я знаю.

МАРГАРЕТ: Я даже восхищаюсь им, несмотря на грубость, ругань и все такое. Твой отец – человек открытый. Не корчит из себя джентльмена и не стесняется быть самим собой. Каким он был неотесанным мужланом в Миссисипи, таким и остался. Как в те времена, когда работал простым надсмотрщиком у Джека Отро и Питера Очелло. Потом сам стал хозяином, создал богатейшую плантацию... Мне он всегда нравился... (Идет к просцениуму.) А сейчас его последний день рождения. Все это грустно. Но я смотрю фактам в лицо. Ты умеешь смотреть фактам в лицо? Надо уметь... Чтобы заботиться об алкоголике, нужно много денег, и эта участь выпала мне.

БРИК: Совсем не обязательно обо мне заботиться.

МАРГАРЕТ: Приходится. Если двое оказались в одной лодке, надо заботиться друг о друге. На что ты будешь покупать лучший виски, когда кончатся запасы? А может, перейдешь на дешевое пиво? Гупер и Мей хотят лишить нас прав на наследство под предлогом, что ты – алкоголик, а я бездетная. Нам надо сорвать их план! Ты знаешь, Брик, я ведь была дьявольски бедна всю свою жизнь! Это правда!

БРИК: Я не говорю, что нет.

МАРГАРЕТ: Всегда приходилось унижаться перед людьми, которых теперь не можешь, только потому, что у них есть деньги и власть. Я была бедна, как церковная мышь. Тебе не понять. Ну, вот, чтоб ты представил: до ближайшей бутылки виски тысяча миль, а у тебя сломана нога и нет костыля! Вот что такое – быть бедной, как церковная мышь, зависеть от родственников, которых ненавидишь за их богатство, а все твое имущество – груда платьев с чужого плеча да несколько ветхих трехпроцентных облигаций. Отец мой пил не хуже тебя, и бедная мама крутилась, как могла. Ведь надо было поддерживать вид благополучия и соблюдать приличия, – и все это на жалкие пятьдесят долларов в месяц, которые мы получали от старых облигаций! Когда я закончила школу, у меня было только

два вечерних платья! Одно мама сшила по готовой выкройке, а другое перепало от богатой кузины, наглой девки. Как я ее ненавидела! Ох, как я ее ненавидела! А на свадьбу я надела бабушкино подвенечное платье... Вот я и стала кошкой на раскаленной крыше!

Брик все еще на балконе. Кто-то из слуг-негров кричит ему снизу: «Мистер Брик, как вы себя чувствуете?» Вместо ответа Брик приветливо поднимает стакан.

МАРГАРЕТ: Можно быть молодым и без денег, но нельзя стариться, не имея ни гроша. Если ты стар и у тебя нет денег, это уже катастрофа. Нужно быть или тем, или другим! Это правда, Брик... (Брик тихо насвистывает.) Ну, вот я и готова... В полном порядке, все на месте. (Потерянно, почти со страхом.) Все на месте, ничего не упущено... (Беспокойно ходит по комнате, не зная, чем заняться, и говорит как бы сама с собой.) Я знаю, где сделала ошибку... О чем я? Ага... мои браслеты. (Один за другим надевает себе на руку несколько браслетов.) Я много думала и теперь поняла, где сделала ошибку. Да. Не надо было говорить тебе правду об истории со Скиппером. Зачем я только призналась тебе. Непоправимая ошибка. Не надо было говорить.

БРИК: Мэгги, ни слова о Скиппере. Я не шучу. Не смей упоминать его имени.

МАРГАРЕТ: Но ты пойми, что мы со Скиппером...

БРИК: Ты не веришь, что я говорю всерьез? Тебя, видно, сбивает с толку, что я говорю спокойно? Послушай, Мэгги, ты затеваешь опасную игру. Ты... Ты... Такими вещами не шутят.

МАРГАРЕТ: Нет, милый, на этот раз я выскажу тебе все до конца. Да, мы со Скиппером любили друг друга. Если это можно назвать любовью. Просто через нашу близость каждый из нас мог острее ощутить свою близость к тебе. Понимаешь ты – ты всегда слишком много требовал от людей. От меня, от него, ото всех, кто осмеливался полюбить тебя. И таких, как мы со Скиппером, таких дураков нашлось немало. Ты слишком много требовал от людей, видите ли – ты сверхчеловек! Высшее существо! И даже когда мы любили друг друга, каждый из нас думал о тебе! Что же тут страшного? Мне это даже нравилось. Я и считала, что правда... Да! Мне не следовало признаваться...

БРИК (неестественно высоко подняв голову): Мне обо всем рассказал Скиппер, а не ты, Мэгги.

МАРГАРЕТ: Нет, я!

БРИК: После него.

МАРГАРЕТ: Какая разница, кто...

БРИК (стремительно выходит на балкон и кричит): Девочка! А, девочка!

ДЕВОЧКА (издалека доносится ее голосок): Что, дядя Брик?

БРИК: Попроси всех подняться сюда... Приведи всех наверх!

МАРГАРЕТ: Нет, теперь ты меня не остановишь! Могу повторить при всех!

БРИК: Девочка! Ну, беги скорее! Сделай то, что я сказал. Позови всех!

МАРГАРЕТ: Потому я не могу больше молчать, а ты... Ты каждый раз затыкал мне рот! (Рыдает, затем берет себя в руки и продолжает почти спокойно.) В этом было что-то неизъяснимое, словно в древней легенде. Да иначе и быть не могло, поскольку все завертелось вокруг тебя, вот от чего такая бездна печали, невысказанной, неутоленной любви. Не думай, Брик, я все понимаю... я все понимаю! И чувствую искреннее уважение к порывам высокой души, разве ты не видишь? Я только хочу сказать, что жизнь продолжается и после гибели всех идеальных представлений о ней... Да, продолжается... (Брик хочет взять свой костыль и, опираясь на мебель, передвигается в то время, как Маргарет продолжает говорить, словно одержимая.) Я помню прекрасно, как в колледже все четвером мы назначали свидания: Глэдис Фицджеральд и я, ты и Скиппер. Только свидания эти больше были похожи на ваши встречи со Скиппером, а мы с Глэдис тащились сзади, словно дуэньи.

БРИК (замахивается на нее костылем): Мэгги, ты доиграешься! Хочешь, чтобы я тебя ударил? Я и могу убить тебя костылем!

МАРГАРЕТ: Ну, убей! Убей!.. Не все ли равно...

БРИК: У каждого человека бывает что-то большое в жизни. Настоящее, искреннее и значительное. У меня это была дружба со Скиппером... А ты обливаешь ее грязью.

МАРГАРЕТ: Ничего я не обливаю грязью! Я говорю именно о чистоте.

БРИК: Не любовь к тебе, Мэгги, а дружба со Скиппером была самым значительным и интересным событием в моей жизни.

МАРГАРЕТ: Ты просто не слушал меня, не понял, о чем я говорила! Черт возьми... Именно чистота ваших отношений и погубила бедного Скиппера! Сохранить ее можно было только в стерильной среде! И таким холодильником стала смерть!

БРИК: Но я женился на тебе, Мэгги. Зачем было бы мне жениться, если бы я...

МАРГАРЕТ: погоди, Брик, дай мне закончить! Я знаю, поверь, что именно Скиппер бессознательно страшился чего-то не совсем чистого между вами!.. Давай я напомним тебе. Ты женился на мне в самом начале лета, когда мы закончили колледж. Мы были счастливы, помнишь? На вершине блаженства. Как мы любили друг друга! А осенью вы со Скиппером отказались от всех мест, где вам предлагали работу, хотя предложения были блестящими. Отказались ради того, чтобы остаться звездами футбола... Профессионалами. Той осенью ты организовал клуб «Дикси Старз», и, став членами одной команды, вы стали неразлучны! Но что-то пошло не так... между вами!.. Меня нельзя было совсем сбрасывать со счетов! Скиппер стал пить!.. Ты повредил позвоночник... Не смог выступать в Чикаго и следил за игрой по телевизору из больницы. Я поехала со Скиппером. Команда проиграла, потому что бедный Скиппер напился накануне. Мы пили с ним всю ночь напролет в баре отеля, а под утро вышли на воздух. Было холодно, голова тяжелая, перед глазами все плывет... Пошли к озеру. И тогда я сказала ему: «Скиппер, перестань стоять между мной и моим мужем, или скажи ему, чтобы он выбирал одно из двух!» Он ударил меня по лицу!.. И тут же повернулся и побежал... А когда ночью я пришла к нему... поскреблась под дверью, как маленький робкий мышонок, он сделал жалкую попытку доказать, что я ему сказала неправду... (Брик хочет ударить ее костылем, но лишь задевает стоящую на столе лампу в форме жемчужины.) Это я уничтожила его правдой о нем самом и о том, что творится в его душе. Уничтожила твой и его мир, сказав то, о чем надо было молчать! С тех пор Скиппер превратился в сосуд для спиртного и наркотиков... (Поет.) «Кто малиновку убил...» (Закидывает назад голову, закрывает глаза.) Я – своей стрелой! (Брик снова хочет ударить ее костылем.) Не попал!.. Извини... Я вовсе не пытаюсь оправдать свое поведение. Честное слово! Брик, можешь думать, что я порядочная дрянь. Не знаю, почему людям так хочется называться хорошими. Где их найдешь – этих хороших? Люди богатые, состоятельные еще могут позволить себе хотя бы внешне соблюдать традиционные моральные образцы. Ну, а мне такая роскошь не по карману... Зато я честна! Оцени это! Я родилась в нищете, и умру, наверное, тоже в нищете, если не удастся вырвать для нас с тобой хоть что-нибудь из наследства твоего отца. Но, Брик, послушай!.. Скиппер – мертв! А я жива! Мэгги – кошка... (Брик неуклюже подпрыгивает к ней, замахиваясь костылем.) ...жива...Я жива... Я!.. (Он запускает в нее костылем. Она прячется за спинкой кровати и продолжает говорить в то время, как Брик падает.) Жива!.. (В комнату с криком вбегает девочка – дочь Гупера, Дикси, в индейском головном уборе с перьями. Направив на Маргарет пустую кобуру от пистолета, Дикси кричит: «Бах! Бах! Бах!» В открытую дверь врываются взрывы смеха. Маргарет, дрожа от холодной ярости, говорит, поднимаясь из-за кровати.) Деточка, твоя мама или кто-нибудь еще должны были научить тебя... (Судорожно глотает воздух.) ...что в комнату неприлично входить без стука... Иначе люди могут подумать, что тебе недостает хорошего воспитания.

ДИКСИ: Да, да, да. А что делает дядя Брик на полу?

БРИК: Я пытался убить тетю Мэгги, но не вышло. И я упал. Дай-ка, малышка, мне костыль, чтобы я мог подняться с пола.

МАРГАРЕТ: Дай дяде костыль, детка. А то он стал хромоножкой. Сломал ногу вчера, когда прыгал через барьер на стадионе.

ДИКСИ: А зачем ты прыгал, дядя Брик?

БРИК: Потому что я привык прыгать через барьеры, а люди всегда делают то, к чему

привыкли, даже если уже не могут.

МАРГАРЕТ: Ты верен себе – иначе ответить и не мог. Ну, беги, малышка. (Дикси направляет кобуру пистолета на Маргарет.) Ну, хватит! Прекрати свои идиотские штучки, уродина! (Выхватывает кобуру, бросает ее за дверь балкона.)

ДИКСИ (с жестокостью взрослого): Ты просто завидуешь! Злишься, что у тебя нет детей! (Показывает ей язык и, выпятив вперед живот, идет к балкону.)

МАРГАРЕТ: Видел... Они даже своих недоделанных уродов не стесняются! При них злорадствуют, что у нас нет детей... (Пауза. Брик наливает виски и садится на кровать. На лестнице слышны шаги и голоса.) Брик, я забыла тебе сказать... Я была у врача в Мемфисе... мы можем иметь ребенка, когда захотим. Сейчас самое время. Ты слышишь меня? Слышишь?

БРИК: Слышу, Мэгги. (Его внимание привлекает ее возбужденное лицо.) Но, черт побери, как ты собираешься иметь ребенка от человека, который тебя... не переносит?

МАРГАРЕТ: Вот эту задачу я и собираюсь решить. (Поворачивается к двери.) ...А вот и они!

Свет постепенно гаснет

Конец первого действия

Действие второе

Начинается с того момента, на котором заканчивается предыдущее.

МАРГАРЕТ: А вот и они!

Первым появляется Большой Папа – высокий мужчина с озабоченным свирепым выражением лица, он идет осторожной походкой, не желая даже перед собой обнаружить своей слабости.

БОЛЬШОЙ ПА: Привет, Брик!

БРИК: Па... Поздравляю с днем рождения!

БОЛЬШОЙ ПА: К черту!

Кто-то проходит по балконной галерее. Голоса со всех сторон. На балконной галерее появляются Гупер и Священник Тукер. Гупер закуривает сигарету.

СВЯЩЕННИК ТУКЕР (оживленно): Но в церкви Святого Павла три дарственных витража. Один из них стоит две тысячи пятьсот долларов. На ней изображен Христос в образе доброго пастыря с агнцем на плечах.

ГУПЕР: Кто пожертвовал это витраж, святой отец?

СВЯЩЕННИК ТУКЕР: Вдова Клайда Флетчера. И еще купель для крещения.

ГУПЕР: Кому-нибудь следовало бы пожертвовать вашей церкви кондиционер, святой отец.

СВЯЩЕННИК ТУКЕР: Еще бы! Знаете, какой подарок сделала семья Гэса Хамма церкви у Двух Рек, чтобы увековечить о ней память? Построили новый каменный приход с баскетбольной площадкой в цоколе и ...

БОЛЬШОЙ ПА (смеется громким лающим смехом, весьма далеким от истинного веселья): Послушайте, священник, что это вы все болтаете о памятных пожертвованиях? Думаете, кто-то из окружающих собирается отбросить копыта? Да?

Священник Тукер вздрагивает и решает ответить на этот вопрос громким смехом, максимальным, на который способен. Не знает, что ответить. Из двери, ведущей в холл, появляются Мэй и доктор Бау – домашний врач семьи Поллитов. Для священника это спасение.

МЕЙ (почти религиозно): Так вот, им сделали прививки от тифа, столбняка, дифтерии, гепатита и полиомиелита. С мая по сентябрь, и... Гупер? Эй, Гупер!.. Зачем мы делали детям прививки?

МАРГАРЕТ (перебивая ее): Брик, включи музыку! Начнем праздновать!

Разговор становится общим и комната наполняется звуками, напоминая птичник на птичьем рынке. Только Брик одиноко стоит у бара, на губах его – неопределенная улыбка. Время от времени он растирает лоб кусочком льда, завернутого в бумажную салфетку. На слова Маргарет не откликается. Она идет к проигрывателю.

ГУПЕР: Эту штуку мы подарили им к третьей годовщине. В ней три динамика.

Комната наполняется громкими звуками музыки, Вагнера или бетховенской симфонии.

БОЛЬШОЙ ПА: Выключи это проклятие!

Почти внезапно воцаряется тишина; ее нарушает громогласный голос Большой Мама, входящей из холла, словно носорог, идущий в атаку.

БОЛЬШАЯ МА: Где мой Брик? Где мой бесценный мальчик?

БОЛЬШОЙ ПА: Извините! Включите эту сволочь обратно.

Все громко смеются. Большой Папа известен своими шутками над Большой Мамой, и она смеется громче всех, хотя иногда эти шутки довольно жестоки и ранят ее очень больно. Она скрывает это.

БОЛЬШАЯ МА: Вот он где! Мой дорогой мальчик! Что это у тебя в руке? Поставь на место. Не для того тебе даны руки!

ГУПЕР: Смотрите, Брик послушался!

Перед тем, как отдать стакан матери, Брик осушил его. Снова общий смех.

БОЛЬШАЯ МА: Ах так, скверный мальчишка, скверный ты мой мальчик! Ну, поцелуй маму, негодник! Смотрите, стесняется. Брик и в детстве не любил, когда его целовали и тискали, наверное, потому, что все к нему приставали с поцелуями! Сынок, выключи эту штуку! (Брик перед этим включил телевизор.) Совсем телевизора не выношу. И кто это выдумал все? Радио – дрянь порядочная, а телевидение – еще хуже! В смысле... (Плюхается в кресло с сопением.) ... ого-го, какая дрянь, ха-ха! Что это я расселась? Мне надо на диван, к моему прелестнику; взять за ручку, поворковать немного!

На ней платье из шифона с черно-белым рисунком, большие асимметричные разводы делают ее похожей на какое-то массивное животное. Блеск бриллиантовых и жемчужных украшений, ее зычный голос и раскатистый смех господствуют в комнате с момента ее появления. Большой Папа смотрит на нее с гримасой привычного отвращения.

БОЛЬШАЯ МА (еще громче): Святой отец, святой отец! Дайте мне руку и помогите встать с кресла!

СВЯЩЕННИК ТУКЕР: Только без ваших штучек, Большая Ма!

БОЛЬШАЯ МА: Каких штучек? Дайте руку, я встать не могу! (Священник Тукер протягивает руку; она хватает ее и тянет священника к себе на колени с пронзительным смехом.) Видел кто-нибудь священника на коленях у дамы? Эй, ребята! Священник на коленях у дамы!

Большая Мама славится по всей округе подобного рода жеребьячими шутками. Маргарет смотрит на все это со снисходительной улыбкой, потягивая дюбонне со льдом и постоянно поглядывая на Брика, однако Мэй и Гупер с озабоченным видом обмениваются взглядами при каждом новом взрыве смеха. Мэй, видимо, полагает, что путь в элиту мемфисского общества им с Гупером преградило поведение свекрови. Из-за двери появляется улыбающаяся физиономия кого-то из негритянской прислуги. Слуги ждут знака внести именинный пирог и шампанское. Но Большой Папа не очень-то весел. Он не может понять, почему, несмотря на все облегчение, которое он испытал от известий из клиники, боль продолжает терзать его внутренности. «Со спазмами не шутят», – уверяет он себя, но вслух громко обращается к жене.

БОЛЬШОЙ ПА: Ида, прекрати свой кобыляк. Ни возрастом, ни комплекцией за девочку все равно не сойдешь. К тому же у тебя давление поднимется. Двести – это не шутка! Смотри, хватит удар, если будешь так беситься.

Входят слуги – негры в белых куртках с огромным именинным пирогом со свечками, с шампанским в ведерках. Все – и дети, и негры – подхватывают поздравление. Только Брик остается в стороне.

Все:

С днем рождения тебя,
С днем рождения тебя,
С днем рождения, Большой Па.
(некоторые просто поют «Дорогой наш Большой Па!»)
С днем рождения тебя!

Кто-то поет: «Сколько тебе лет?» Мей стоит в центре, расставляет детей, как певцов в хоре, тихо командует: «Раз, два, три», и дети хором поют.

БОЛЬШАЯ МА: Здоров на все сто. Пройдя такие исследования, вышел победителем. Теперь, когда мы знаем, что ничего страшного нет, я могу признаться, что чуть с ума не сошла от страха, что у него...

МАРГАРЕТ (перебивая): Брик, дорогой, ты не забыл отдать свой подарок? (Выхватывает у него стакан. Достает красиво упакованный пакет.) Вот, Большой Па, это вам от Брика!

БОЛЬШАЯ МА: Это самый грандиозный день рождения Большого Па. Сколько подарков, сколько телеграмм...

МЕЙ (перебивая ее): Что это, Брик?

ГУПЕР: Ставлю пятьсот против пятидесяти: Брик понятия не имеет, что там такое!

БОЛЬШАЯ МА: Вся прелесть подарка в том, чтобы не знать, что тебе подарили, пока не развернешь пакета. Ну-ка, открой подарок, Большой Па!

БОЛЬШОЙ ПА: Сама смотри! Я хочу спросить кое-что у Брика! Брик, иди сюда!

МАРГАРЕТ: Брик, тебя зовут. (Разворачивает пакет.)

БРИК: Скажи ему, что я не могу передвигаться.

БОЛЬШОЙ ПА: Это я вижу, Вот и хочу узнать, где ты сломал ногу?

МАРГАРЕТ (стараясь переменить тему): Посмотрите, посмотрите, да ведь это кашемировый халат! (Она держит его так, чтобы все видели.)

МЕЙ: Ты удивлена, Мэгги?

МАРГАРЕТ: Впервые его вижу.

МЕЙ: Забавно! Ха!

МАРГАРЕТ (в гневе повернулась к ней, говорит с очаровательной улыбкой): Почему забавно? Кроме породы, нашей семье нечем было гордиться. Такой роскоши, вроде кашемировых халатов, у нас не было, вот я и удивляюсь!

БОЛЬШОЙ ПА (зловеще): Тихо!

МЕЙ (переходя в ярость): Не понимаю, откуда такое удивление? Не ты ли сама в прошлую субботу купила его в Мемфисе? И знаешь, откуда я узнала? От продавщицы. «Знаете, миссис Поллит, – сказала она мне, – ваша золовка только что купила у нас кашемировый халат для отца своего мужа!»

МАРГАРЕТ: Сестрица! Какой талант пропадает! Тебе бы не домашней хозяйкой, не матерью быть, а сотрудницей ФБР или...

БОЛЬШОЙ ПА: Тихо!!!

ТУКЕР (у него на все замедленная реакция. Обращается к доктору Бау): Аист и костлявая всегда летят рядом. (Начинает весело смеяться, но, заметив наступившее молчание и взгляд Большого Папы, замолкает.)

МЕЙ (поднимает вверх руки и звенит браслетами): Интересно, не съедят ли нас москиты сегодня вечером?

БОЛЬШОЙ ПА: Если сожрут, я пушу ваши кости на удобрение!

БОЛЬШАЯ МА (быстро): На прошлой недели мы с самолета опрыскали все поместье. Думаю, стало полегче. Во всяком случае, мне они не...

БОЛЬШОЙ ПА (обрывая ее): Брик, мне сказали, что ты вчера ночью занимался прыжками на стадионе.

БРИК (улыбаясь): И мне это сказали.

БОЛЬШОЙ ПА: На чем или на ком ты прыгал? Что ты там делал в три часа утра? Лежал с бабой на беговой дорожке?

БОЛЬШАЯ МА: Ну, отец, значит, ты уже здоров, но я не собираюсь позволить тебе говорить подобное...

БОЛЬШОЙ ПА: Замолчи!

БОЛЬШАЯ МА: ...пакости в присутствии проповедника и...

БОЛЬШОЙ ПА: Замолчи! Я спрашиваю тебя, Брик! За кем ты гонялся так, что споткнулся и сломал ногу?

Гупер неестественно громко смеется, остальные нервно хихикают. Большая Мама топает ногой и, обиженно поджав губы, шепчет что-то на ухо Мэй. Брик с едва заметной неопределенной улыбкой встречает тяжелый и насмешливый взгляд отца.

БРИК: Нет, сэр, не совсем так...

МЕЙ (сладким голосом): Преподобный Тукер, не хотите ли прогуляться со мной? (Оба уходят на галерею.)

БОЛЬШОЙ ПА: Тогда, черт возьми, что же ты делал на стадионе в три часа утра?

БРИК: Брал препятствия, отец. Тренировался в барьерном беге. Но эти барьеры оказались слишком высоки для меня теперь.

БОЛЬШОЙ ПА: Ты что, был пьян?

БРИК (улыбка исчезает с его лица): Трезвый я бы и на низкие не польстился...

БОЛЬШАЯ МА: Большой Па, погаси свечи на пироге!

МАРГАРЕТ: Я хочу предложить тост в честь Большого Папы Поллита – величайшему плантатору страны исполнилось сегодня шестьдесят пять.

БОЛЬШОЙ ПА (задыхаясь от ярости и отвращения): Я сказал же, сказал, прекратите все! Довольно!

БОЛЬШАЯ МА (подносит ему именинный пирог): Большой Па, я не позволю тебе так разговаривать даже в день твоего рождения...

БОЛЬШОЙ ПА: Ида, я сказал тебе, что как захочу, так и буду разговаривать в день своего рождения. И в любой другой день тоже. А кому не нравится, могут идти куда подальше!

БОЛЬШАЯ МА: Ты шутишь, дорогой! Я уверена.

БОЛЬШОЙ ПА: Почему ты решила, что я шучу?

С балкона кто – то подает Гуперу знаки, он уходит.

БОЛЬШАЯ МА: Я знаю, что ты шутишь.

БОЛЬШОЙ ПА: Ни черта ты не знаешь и никогда ничего не знала! Ничего я не шучу. Я мирился со всем этим дерьмом, потому что думал, что скоро умру. И ты думала, что я умираю, и тут же начала хозяйничать, прибирать все к рукам. Так вот, Ида, ничего у тебя не выйдет. Потому что я не умираю! И не тебе здесь хозяйкой быть, потому что я умирать не собираюсь. Ничего у меня, оказывается, нет. Это ты решила, что мне крышка. (В спальне остались только супруги Поллиты. Все ушли на балкон. Большая Мама тяжело дышит, зажав рот кулаком.) Что, неправда? Не шевелилась мысль, что скоро ты станешь полновластной хозяйкой в доме и на плантации? Только и слышу: уже где – то командуешь, только и вижу, что твою старую спину то там то сям.

БОЛЬШАЯ МА: Потихе, пожалуйста, здесь проповедник.

БОЛЬШОЙ ПА: Проклятый проповедник! Плевал я на него! Слышишь, что я сказал? Плевал я на него!

Кто – то закрывает дверь галереи и в тот же момент – взрыв фейерверка и возбужденные вопли детворы.

БОЛЬШАЯ МА: Я никогда не видела, чтобы ты так себя вел. С чего это ты разошелся?

БОЛЬШОЙ ПА: Теперь, когда все анализы и страх позади, я хочу выяснить кое – что? Кто здесь хозяин – ты или я? Выходит все – таки я. Я – а не ты! И день рождения мой. И пирог мой. И шампанское тоже мое. И все тут мое! Не торопись, я еще здесь покомандую! Да

я все тут своими руками сделал. Школу бросил в десять лет: пошел работать! Работал, как негр, как раб! Потом стал надсмотрщиком на плантации старого Стро и Очелло. А когда старина Стро умер, стал партнером Очелло, и плантация начала расти, расти, расти, расти! Всего своим горбом добился! А ты теперь решила все к рукам прибрать! Ни черта тебе здесь не достанется. Поняла? Все ясно? Меня обскоблили с головы до ног и ничего серьезного не нашли, кроме нервных спазмов. А спазмы эти – будь они прокляты! – я получил, наверное, от отвращения! От мерзкой грязной лжи, с которой приходилось мириться! От лицемерия, с которым прожил все сорок лет с тобой! Давай, Ида! Надувай щеки, вдохни поглубже и задуй эти чертовы свечи на моем пироге.

БОЛЬШАЯ МА: Ох, Большой Па! Ох, Большой Па! Ну и ну!

БОЛЬШОЙ ПА: Что такое?

БОЛЬШАЯ МА: И все эти годы, что мы прожили вместе, ты так и не верил, что я действительно люблю тебя?

БОЛЬШОЙ ПА: Что?

БОЛЬШАЯ МА: А я ведь так любила! Так любила! Любила даже твою ненависть и твою грубость, Большой Па! (Рыдает и неуклюже выбегает на галерею.)

БОЛЬШОЙ ПА: А смешно, если это действительно так.

За паузой следует взрыв фейерверка в небе, яркий свет в комнате. Входит Брик, опираясь на костыль, со стаканом в руке, и Маргарет с веселой и тревожной улыбкой.

БОЛЬШОЙ ПА: Тебя я не звал, Мэгги. Только Брика.

МАРГАРЕТ: А я его только доставила. (Целует Брика в губы, он незаметно вытирает их рукой. Она резво, как девочка, выскакивает из комнаты. Брик и отец остаются вдвоем.)

БОЛЬШОЙ ПА: Твоя баба, конечно, лучше, чем у Гупера, и лицом, и фигурой. Но есть в них что – то общее.

БРИК: Бесятся, как кошки на раскаленной крыше?

БОЛЬШОЙ ПА: Верно, мой мальчик. Странно, вы такие разные с Гупером, а в жены выбрали женщин одного типа, почти...

БРИК: Просто мы женились на женщинах из высшего общества, отец.

БОЛЬШОЙ ПА: Чушь... Странно, что у них общего?

БРИК: Объясню. Они уселись посреди огромного куска земли, среди твоих двадцати восьми тысяч акров, и каждая намерена оторвать себе у другой кусок побольше, как только ты выпустишь эту землю из рук.

БОЛЬШОЙ ПА: У меня есть для них сюрприз – я еще долго не буду выпускать ее из рук, так что им не дожидаться.

БРИК: Ну и молодец, папа.

БОЛЬШОЙ ПА: Будь уверен. Но жена Гупера только и делает, что рождает. Плодовита, как свинья. Сегодня ее выводку даже места за столом не хватило, пришлось стол раздвигать. Пять уже у них, что ли, и шестой на подходе.

БРИК: И шестой на подходе...

БОЛЬШОЙ ПА: Знаешь, Брик, клянусь Богом, не могу понять, как это все получается? Добываешь себе кусок земли всеми правдами и неправдами, потом земля приносит плоды. Сколачивается хозяйство, богатство, и в один прекрасный день видишь, как все уплывает из рук.

БРИК: Говорят, природа не терпит пустоты.

БОЛЬШОЙ ПА: Да, так говорят, но иногда я думаю, черт возьми, что пустота лучше той мрази, что природа подсовывает вместо нее. Кто – то стоит под дверью. Кто? (Повышает голос.)

БРИК: Тот, кого интересует, о чем мы с тобой говорим.

БОЛЬШОЙ ПА: Гупер!.. Гупер!..

Выждав для приличия минуту, Мэй появляется в двери на галерею.

МЕЙ: Вы звали Гупера, Большой Па?

БОЛЬШОЙ ПА: Ах, это ты?

МЕЙ: Вы хотите видеть Гупера?

БОЛЬШОЙ ПА: Нет. Ни Гупера, ни тебя не хочу видеть. Я хочу, чтобы никто не совал сюда нос, ясно? Ненавижу, когда подслушивают. Терпеть не могу шпионов и соглядатаев.

МЕЙ: Что с вами? Большой Па...

БОЛЬШОЙ ПА: Ты стояла в лунном свете, и тень выдала тебя!

МЕЙ: Я только...

БОЛЬШОЙ ПА: Да, ты только шпионила за нами!

МЕЙ (плачет): Ох, Большой Папа, как вы несправедливы к тем, кто вас действительно любит!

БОЛЬШОЙ ПА: Замолчи! Замолчи! Замолчи! Я переведу вас с Гупером из соседней комнаты в другую. Не ваше собачье дело, сто происходит между Бриком и Мэгги. Устроили за ними слежку по ночам, а потом докладываете матери, а та приносит все мне. Черт возьми, я заболеваю от этого наушничества и сплетен.

Мэй закатывает глаза, протягивая вперед руки, как бы взывая к небесам по поводу несправедливых обвинений; затем вытирает нос платком и выскакивает из комнаты.

БРИК (стоя у бара): Они действительно следят за нами?

БОЛЬШОЙ ПА: Да, следят и докладывают обо всем Большой Ма. Она говорит... (Останавливается в смущении.) ...что ты...не хочешь спать с Мэгги и спишь один на тахте. Это правда или нет? Если ты не любишь Мэгги, избавься от нее!.. Что ты там делаешь?

БРИК: Подливаю виски.

БОЛЬШОЙ ПА: Я вижу, виски для тебя стал серьезной проблемой?

БРИК: Да. Это так.

БОЛЬШОЙ ПА: Из – за этого ты бросил работу спортивного комментатора?

БРИК: Это точно. Думаю, да. (Выпивает виски и любезно улыбается отцу.)

БОЛЬШОЙ ПА: Нечего думать... Послушай, что я тебе скажу. Да не смотри ты на эту проклятую люстру. (Пауза. Голос Большого Папы становится хриплым.) Мы купили ее еще с каким – то хламом на распродаже в Европе. (Пауза.) Самая важная штука на свете, поверь – это жизнь. Все остальное не имеет смысла. А человек, который пьет, пускает свою жизнь на ветер. Не делай этого. Держись за жизнь. Все остальное не имеет смысла. Сядь поближе, чтобы можно было говорить спокойно. Здесь стены имеют уши.

БРИК (идет, опираясь на костыль, и садится на тахту): Хорошо.

БОЛЬШОЙ ПА: Перестань пить!.. Отчего это началось? Ты что, разочаровался в чем – то?

БРИК: Не знаю. А ты знаешь?

БОЛЬШОЙ ПА: Брось кривляться!

БРИК (любезно): Хорошо, бросил.

БОЛЬШОЙ ПА: Брик!

БРИК: Что?

БОЛЬШОЙ ПА (глубоко затянувшись сигарой, вдруг испытывает страшную боль. Подымает руки ко лбу): Тьфу!.. Ха! Ха! Слишком сильно затянулся, и вдруг голова закружилась. (Раздается мелодичный бой часов на камине.) Почему, черт возьми, людям так трудно говорить друг с другом, особенно близким людям?

БРИК: Да... (Вновь раздается бой каминных часов. Бьет десять): Красивый звон. Мирный. Люблю слушать его по ночам. (Уютно разваливается на тахте.)

Большой Папа садится прямо и твердо с невысказанной тревогой; напряженно разговаривает с сыном, украдкой поглядывая время от времени слегка смущенно.

БОЛЬШОЙ ПА: Эти часы мы купили с мамой, когда однажды летом поехали в Европу по идиотскому туру Кука. Отвратительное было путешествие. Кругом одни проходимцы, и все куда – то мчатся... А мать, куда бы мы ни приехали, всюду бегала по магазинам и покупала, покупала, покупала. Половина всего хлама, что она накупила, до сих пор валяется в ящиках по подвалам, которые залило прошлой весной. (Смеется.) Европа – это огромный аукцион, вот что такое. Дешевая распродажа антиквариата. К счастью, я богатый человек. И

мне плевать, что половина купленного там барахла гниет по подвалам. Да, я богатый человек, я действительно очень богатый человек, Брик. (Его глаза зажигаются на мгновение.) Знаешь, сколько я стою, Брик? Угадай! (Брик неопределенно улыбается и пьет виски.) Около десяти миллионов наличными, золотые слитки и двадцать восемь тысяч акров богатейшей земли! (Шум и треск. Ночное небо озаряется сверхъестественным зеленоватым светом. Это фейерверк. Дети пронзительно вопят на галерее.) Но купить себе жизнь на это нельзя. Ее не продлить, когда она подходит к концу, не выкупить. Ее нельзя купить ни на одной распродаже, ни в Европе, ни в Америке. Это трезвая мысль, очень трезвая. Я без конца ее прокручивал последнее время... Я стал мудрее и печальнее, Брик, после того, как пережил свою собственную смерть и вернулся к жизни. Знаешь, что я запомнил в Европе?

БРИК: Что ты запомнил?

БОЛЬШОЙ ПА: Холмы на окраинах Барселоны, и на них стаю голодных ребятишек. Голые, в чем мать родила. Как голые собачонки, они с воем бросались на прохожих и просили милостыню. А по улицам Барселоны расхаживали откормленные священники. Жирные, сытые! Я один мог бы прокормить всю эту страну, у меня бы хватило денег. Но человек – животное, которое любит только себя. Я швырял вопившей детворе монетки и разбросал, наверное, больше, чем стоит обивка одного из кресел, на котором ты сидишь... Черт возьми, я швырял им деньги, как швыряют пшено цыплятам, чтобы избавиться от них, только бы скорее добраться до машины и уехать. А в Марокко... там проституцией начинают заниматься с четырех или пяти лет. Я не преувеличиваю. Помню, в Маракеше, есть такой арабский городок, было дьявольски жарко. Я присел на развалинах какой – то стены выкурить сигару. На дороге стояла женщина и смотрела на меня, смотрела так, что я застеснялся. Она стояла в пыли, в жаре и смотрела на меня. Слушай, слушай. С ней была маленькая девочка, голенькая, едва начавшая ходить; так вот, она ее поставила на землю, подтолкнула с что – то прошептала ей. И эта крошка, едва начавшая ходить, заковыляла ко мне... Бог мой, меня тошнит, как только вспомню это. Малышка протянула ручонку и пыталась расстегнуть мне брюки. А ей пяти не было. Можешь поверить? Я помчался в отель и заорал твой матери: «Ида, собираемся! Мы уезжаем к чертям из этой страны...»

БРИК: Па, ты что – то разговорился на ночь.

БОЛЬШОЙ ПА (игнорируя его реплику): Да. Вот так. Человек – животное, которому суждено уйти на тот свет. Но мысль о том, что сам он умрет, не пробуждает в нем жалости к другим. Нет... Ты что – то сказал?

БРИК: Протяни мне костыль, чтобы я мог встать.

БОЛЬШОЙ ПА: Куда ты собираешься?

БРИК: Хочу совершить маленькое путешествие к источнику «Эхо».

БОЛЬШОЙ ПА: Это куда?

БРИК: К бару.

БОЛЬШОЙ ПА: Да, малыш. (Протягивает ему костыль.) Человек – это зверь, который подыхает. Но если у этого зверя появляются деньги, он начинает покупать, покупать, покупать. Я думаю, единственная причина того, что он покупает все подряд – это безумная надежда купить себе вечную жизнь... Увы, это невозможно... Человек – это зверь...

БРИК (у бара): Па, ты сегодня в ударе.

Пауза. Слышны голоса.

БОЛЬШОЙ ПА: Последнее время я больше молчал. Не говорил ни слова. Сидел, уставившись в одну точку. Во мне все словно застыло. Но сегодня я вздохнул свободно. Вот я и говорю без конца. И небо совсем сегодня другое...

БРИК: Ты знаешь, что я люблю слушать больше всего на свете?

БОЛЬШОЙ ПА: Что?

БРИК: Тишину.

БОЛЬШОЙ ПА: Почему?

БРИК: В ней столько покоя.

БОЛЬШОЙ ПА: Эх, дорогой! Ты еще наслушаешься ее в могиле. (Похохатывается.)

БРИК: Что ты еще хочешь мне сказать?

БОЛЬШОЙ ПА: Почему ты хочешь, чтобы я заткнулся?

БРИК: Я часто слышал от тебя: «Брик, я хочу поговорить с тобой». Мы начинаем говорить, но серьезного разговора не получается. Ты сидишь в кресле и болтаешь о том о сем, я делаю вид, что слушаю. Пытаюсь делать вид, что слушаю, но не слышу. Людям всегда трудно друг с другом. Во всяком случае, нам с тобой. Может быть, потому, что нечего сказать...

БОЛЬШОЙ ПА: Подожди минутку, Я хочу закрыть дверь. (Закрывает двери на галерею, будто собирается сообщить ему важный секрет.) Знаешь, я думал, что у меня рак, и носил в себе свою тайну, не визжал, как свинья, хоть у нее есть одно преимущество.

БРИК: Какое?

БОЛЬШОЙ ПА: Неведение. Свинья не знает, что умрет, а человек знает. И поэтому обязан сжать зубы. (Вдруг скрытая жестокость овладевает им.) И нести свою тайну в себе, если он человек. Удивительно, если...

БРИК: Что, Па?

БОЛЬШОЙ ПА: Слушай, а не повредит ли стаканчик виски спастическому колиту?

БРИК: Нет. Только пойдет на пользу.

БОЛЬШОЙ ПА (ухмыляется, как волк): Брик, тебе все равно не понять! Я снова вижу небо! Господи, солнце вновь засияло над головой!

БРИК (рассматривает виски): Тебе стало легче?

БОЛЬШОЙ ПА: Лучше! Черт возьми! Я могу свободно дышать!.. Всю жизнь я прожил, собравшись в кулак. (Наливает виски.) Громил! Пил! Крушил! А теперь хочу разжать пальцы и ко всему прикоснуться, все потрогать. (Шевелит руками, как будто касается воздуха.) Знаешь, что я имею в виду?

БРИК (рассеянно): Нет. А что ты имеешь в виду?

БОЛЬШОЙ ПА: Ха! Ха!.. Наслаждение. Радость от обладания женщиной! (Улыбка исчезает с лица Брика, чуть сохраняясь.) Да, малыш. Хоть мне и стукнуло шестьдесят пять лет, я еще не остыл к женщинам.

БРИК: Замечательно, папа.

БОЛЬШОЙ ПА: Ты прав, черт возьми! Только теперь я понял, что напрасно держал себя в узде. Сколько упустил в жизни из – за того, что все делал с оглядкой, боялся выйти за рамки... Какая чушь! Ну и виски, так и жжет! Но ничего! Теперь я на свободе, мы еще, как говориться, попляшем на балу.

БРИК: На балу?

БОЛЬШОЙ ПА: Именно на балу! Черт возьми! Последний раз я спал с твоей матерью, дай бог памяти, лет пять назад. Тогда мне было шестьдесят, а ей пятьдесят восемь. Но я никогда не любил ее! Никогда!

В холле звонит телефон. Входит Большая Мама, восклицая.

БОЛЬШАЯ МА: Мужчины, вы что, не слышите, что телефон звонит? Я на галерее и то слышала.

БОЛЬШОЙ ПА: Пять комнат выходят на галерею. Тебе обязательно понадобилось пройти именно через эту? (Большая Мама делает вид, что смеется над его шуткой, проходит в холл.) Ух! Когда ее нет, я не могу даже вспомнить, как она выглядит, а стоит ей войти, я вижу, что это за красавица, и не хочу видеть. (Смеется свой шутке; вдруг резко выпрямляется, почувствовав сильную боль, продолжая хихикать, осторожно ставит стакан на стол. Брик направляется к балкону.) Куда ты?

БРИК: На воздух.

БОЛЬШОЙ ПА: Нет, останься здесь, мы еще не закончили разговор!

БРИК: Я думал, уже закончили.

БОЛЬШОЙ ПА: Еще не начинали.

БРИК: Значит, я ошибся. Прости.

БОЛЬШАЯ МА (стоит в дверях, держась за ручку): Звонила мисс Салли. Знаешь, что

она придумала? Выяснила у своего врача в Мемфисе, что такое спазмы. Ха! Ха! Ха! Говорит, ей стало легче жить, когда она узнала... Ну, открой!

БОЛЬШОЙ ПА (придерживает дверь, чтобы она не вошла): Не открою. Я говорил, чтобы ты не таскалась здесь. В доме пять комнат. Нет, обязательно здесь проходить!

БОЛЬШАЯ МА: Ну, разве можно так разговаривать! Ты еще это всерьез говоришь. (Он запирает дверь.) Дорогой ты мой! Дорогой! Ты не пошутил? Я ведь знаю, что ты любишь меня. (Еле передвигая ноги, с рыданием в голосе, она уходит. Голос у нее, как у обиженного ребенка. Брик срывается с места, берет костыль и направляется к галерее.)

БОЛЬШОЙ ПА: Я одного прошу – оставить меня в покое. Она не верит, что меня от нее выворачивает. Я спал с ней слишком много лет. Надо было кончать это дело намного раньше, но старухе все было мало. Вот и растрачивался на нее. Говорят, каждому мужику отпущен свой лимит. Но все равно, кое – что у меня еще есть в запасе. Найду себе девку и отдам ей все, что осталось! За ценой не постою, удушю ее в мехах, закидаю бриллиантами и не буду слезать с нее до утра. Ха! Ха! Ха!

МЕЙ (весело, за дверью): Это кто же так смеется?

ГУПЕР: Это Большой Па смеется?

БОЛЬШОЙ ПА: Дерьмо!.. Ну и сволочи оба! (Подходит к Брику, касается его плеча.) Да, Брик, мальчик мой, я... я... счастлив! Счастлив! (Покашливает, закусывая нижнюю губу, робко касается головой головы Брика. Но кашель усиливается; в смятении идет к столу, выпивает виски, лицо его искажено гримасой боли. Брик вздыхает и с усилием встает.) Что, ты не можешь посидеть спокойно?

БРИК: Все жду.

БОЛЬШОЙ ПА: Чего?

БРИК (печально): Щелчка...

БОЛЬШОЙ ПА: Что это еще за щелчок?

БРИК: Щелчок в голове, после него наступает покой. Есть определенный предел, до которого я должен дойти, а когда я дохожу до него, раздается щелчок, вроде как... или...

БОЛЬШОЙ ПА: Как?

БРИК: Как щелчок выключателя, только в голове, свет гаснет, наступает прохлада ночи (глядит, печально улыбаясь) и покой.

БОЛЬШОЙ ПА (свистит от удивления, подходит к Брику сзади и берет за плечи): Господи, а я и не знал, что тебе так скверно! Потому, малыш, ты стал алкоголиком?

БРИК: Именно алкоголиком, папа. (Снова наливает виски.)

БОЛЬШОЙ ПА: Пока думал о смерти, забыл обо всем. Я и не знал, что мой мальчик спился у меня под носом.

БРИК (мягко): Теперь знаешь. Мне сейчас лучше побыть одному и ... помолчать.

БОЛЬШОЙ ПА: Ты уже достаточно долго сидел молча один, а сейчас говоришь со мной. Во всяком случае я говорю с тобой. И ты будешь сидеть и слушать меня, пока я не скажу тебе, что мы закончили разговор.

БРИК: Но этот разговор ни к чему не приведет! Сколько таких было! И, наконец, это... это... мучительно!

БОЛЬШОЙ ПА: Хорошо, пусть это мучительно, но ты не встанешь с этого кресла! И костыль у тебя отниму. (Выхватывает у него костыль и бросает его.)

БРИК: Я могу поскакать на одной ноге, упаду – поползу на четвереньках.

БОЛЬШОЙ ПА: Смотри только, не сползи с моей плантации, а то придется выпрашивать на выпивку в дешевых забегаловках.

БРИК: Я согласен, папа.

БОЛЬШОЙ ПА: Но я не согласен. Ты мой сын, и я поставлю тебя на ноги. Теперь, когда меня самого поставили на ноги, я займусь тобой и приведу тебя в порядок!

БРИК: Неужели?

БОЛЬШОЙ ПА: Сегодня пришло заключение из клиники Очнера. (Лицо загорается радостью.) Единственное, что у меня могли обнаружить в этой знаменитой клинике, это

спазмы толстого кишечника. Да и нервы у меня стали ни к черту из – за всех этих передрыг.

В комнату вбегает маленькая девочка с горящим бенгальским огнем; она похожа на обезумевшую обезьянку и скачет туда и обратно, пока Большой Папа не выгоняет ее. Молчание. Отец и сын смотрят друг на друга. Издалека доносится женский смех.

БРИК: Ты не был готов уйти?

БОЛЬШОЙ ПА: Куда уйти!.. Когда мы уходим, мой мальчик, то уходим в никуда и навечно; что человек, что зверь, что птица – все одно! Да, я думал, что мне конец. Но сегодня я вздохнул свободно. Впервые за столько лет! Господи – три года! Это тянулось... (Слышен смех бегущих людей, мягкий звук взрывающихся ракет; их свет заливает комнату. Брик пристально смотрит на отца трезвым взглядом, затем неожиданно вскакивает с кресла и скачет на одной ноге за костылем, опираясь на мебель. Хватает костыль и торопится на галерею. Отец ловит его за рукав белой шелковой пижамы.)

БОЛЬШОЙ ПА: Останься здесь, сукин сын, пока не разрешу тебе уйти!

БРИК: Не могу. Мы говорим, говорим – замкнутый круг. Кончаем, где начали, и всякий раз выясняется, что тебе нечего мне сказать.

БОЛЬШОЙ ПА: Мне нечего сказать? А то, что я буду жить, когда был уверен, что умру?

БРИК: Ах, это... Да...

БОЛЬШОЙ ПА: Сядь, спившийся щенок.

БРИК: Папа...

БОЛЬШОЙ ПА: Делай, что тебе говорят. Пока я здесь хозяин. (Вбегает Большая Мама, грудь ее вздымается от волнения.) Черт возьми, что тебе здесь нужно?

БОЛЬШАЯ МА: Почему ты так кричишь? Я не могу больше... вы – но – си – и – и – ть это! Не могу выносить!

БОЛЬШОЙ ПА (замахивается на нее): Пошла вон!..

Рыдая, она выскакивает из комнаты.

БРИК (мягко и печально): Господи...

БОЛЬШОЙ ПА (яростно): Вот тебе и Господи!

Брик вырывается из рук и скачет на костыле на галерею. Большой Папа выдергивает у него из рук костыль и Брик, подворачивая лодыжку, цепляется за стул, издавая пронзительный крик от боли; теряет равновесие и падает на пол, стул опрокидывается на него.

БОЛЬШОЙ ПА: Выродок, сын этой тупой твари!

БРИК: Отдай костыль. (Большой Папа швыряет костыль в другую сторону.) Па, отдай костыль.

БОЛЬШОЙ ПА: Зачем ты пьешь?

БРИК: Не знаю, отдай мне костыль!

БОЛЬШОЙ ПА: Подумай лучше, зачем ты пьешь, и брось пить.

БРИК: Прошу тебя, отдай мне костыль, я не могу встать с пола.

БОЛЬШОЙ ПА: Ответь сначала на мой вопрос. Зачем ты пьешь? Почему ты выбрасываешь свою жизнь, будто какой – то хлам, подобранный на улице?

БРИК (привстав на колени): Па, мне больно. Я подвернул сломанную ногу.

БОЛЬШОЙ ПА: Прекрасно! Значит, ты не совсем еще отупел от виски и можешь чувствовать боль.

БРИК: Ты пролил мой виски...

БОЛЬШОЙ ПА: Давай заключим сделку – ты скажешь, зачем ты пьешь, а я дам тебе выпить. Сам налью.

БРИК: Сначала дай выпить, потом отвечу.

БОЛЬШОЙ ПА: Нет. Сначала скажи, что тебя заставило пить?

БРИК: Отвечу одним словом.

БОЛЬШОЙ ПА: Каким?

БРИК: Отвращение! (Раздается мелодичный бой часов. Большой Папа бросает

короткий неистовый взгляд.) Ну, как насчет виски?

БОЛЬШОЙ ПА: Отвращение к чему? Ответ сначала. Бессмысленно питать отвращение неизвестно к чему. К чему ты питаешь отвращение? Скажи, к чему?

БРИК (пытается подняться с пола, цепляясь за кровать): Хорошо. Постараюсь. (Большой Папа наливает виски и торжественно подносит Брику. Молчание. Брик пьет.) Ты когда-нибудь слышал слово «ложь»? Знаешь, что оно означает?

БОЛЬШОЙ ПА: А что, тебе кто-нибудь врал?

ДЕТИ (хором за сценой нараспев): Мы хотим Большого Папу! Мы хотим Большого Папу!

ГУПЕР (появляется в дверях на галерее): Большой Папа, дети зовут тебя.

БОЛЬШОЙ ПА (грубо): Гупер, выйди.

ГУПЕР: Извини.

БОЛЬШОЙ ПА (захлопывает за ним дверь): Кто тебе врет? Мэгги?

БРИК: Не она. Это не имеет значения.

БОЛЬШОЙ ПА: Так кто же и о чем тебе врет?

БРИК: Никто и ни о чем...

БОЛЬШОЙ ПА: В чем же тогда дело, черт побери?

БРИК: Все, все вокруг.

БОЛЬШОЙ ПА: Что ты трешь лоб? Голова болит?

БРИК: Нет. Я пытаюсь...

БОЛЬШОЙ ПА: ...собираться с мыслями. Но ты уже не можешь. Твои мозги проспиртованы, пропитаны насквозь. (Вырывает стакан из рук Брика.) Что ты, черт возьми, можешь знать о лжи? Да я книгу мог бы о ней написать, и все равно всего бы не высказал. Даже близко бы не подошел. Страшно подумать, сколько раз я мирился с ложью. А притворство? Говоришь не то, что думаешь, делаешь не то, что чувствуешь. Или вот, делаю вид, будто люблю жену, а на самом деле вида ее не терплю. Это после сорока – то лет. Врал, даже когда лежал на ней... Притворялся, что люблю Гупера, сукина сына, жену его Мэй и его пятерых ублюдков, орущих, как попугаи в джунглях. Господи, да мне смотреть на них тошно... А церковь! Всего выворачивает, стоит прийти в церковь, но я хожу. А эти клубы! Масоны!... А светское вращение. Дерьмо! (Боль заставляет его скрючиться, он опускается в кресло, голос становится мягким и хриплым.) А вот тебя я люблю, сам не знаю, за что. Всегда уважал и любил тебя и еще свою плантацию, свое дело, за то, что оно сделало меня человеком. Вот тебе и вся правда... А жизнь свою прожил во лжи и рядом с ложью!.. Почему ты не можешь жить так?... Придется, черт возьми, ведь кроме лжи и фарисейства в жизни ничего нет. Если есть что другое, скажи.

БРИК: Есть. Есть еще одна штука, с которой можно жить.

БОЛЬШОЙ ПА: Какая же?

БРИК (поднимая стакан): Виски...

БОЛЬШОЙ ПА: Это не жизнь. Это бегство от жизни.

БРИК: А я и хочу убежать от нее.

БОЛЬШОЙ ПА: Тогда застрелись. Я все – таки скажу тебе кое – что. Еще совсем недавно, когда я думал, что дни мои сочтены... (Эту речь он произносит в стремительном темпе.) ...я решил оставить тебе мое дело. Гупера и Мэй я ненавижу, знаю, что они платят мне тем же, а пять их маленьких обезьян мне противны, потому что – копия родителей. Почему я должен двадцать восемь тысяч акров богатейшей земли отдавать Гуперу в наследство? Почему? Но, с другой стороны, Брик, почему я должен, черт возьми, благодетельствовать болвана, присосавшегося к бутылке? Любил я его – не любил? Почему? Когда он теперь сущий балласт? Нравственный урод?

БРИК (улыбаясь): Понимаю тебя.

БОЛЬШОЙ ПА: Если правда понимаешь, значит, ты умней меня, потому что мне совершенно ничего не понятно, я тебе вот что скажу. Я еще не составил завещания! Слава Богу, теперь срочности нет. Можно обождать. Но ты возьмешь себя в руки или нет?

БРИК: Может быть.

БОЛЬШОЙ ПА: И тебя это не волнует?

БРИК (хромая, идет к галерее): Нет, не волнует... А не пойти ли нам поглядеть фейерверк, ведь это в честь твоего дня рождения, а заодно глотнем свежего воздуха.

Он останавливается в дверях галереи. В небе вспыхивают зеленые и золотистые огни фейерверка, освещая все вокруг.

БОЛЬШОЙ ПА: погоди!.. Брик... (Его голос прерывается, внезапно он становится застенчивым, почти нежным. Жесты сдержаны.) Давай не останавливаться на полпути. Доведем разговор до конца. Хоть сегодня. У нас всегда что – то оставалось недосказанным. Наверное, потому, что каждый не был достаточно честен друг с другом...

БРИК: Я никогда не лгал тебе, папа.

БОЛЬШОЙ ПА: А я? Когда – нибудь лгал тебе?

БРИК: Нет.

БОЛЬШОЙ ПА: Значит, есть по крайней мере два человека, которые никогда не лгали друг другу.

БРИК: Но мы не говорили откровенно.

БОЛЬШОЙ ПА: Попробуем теперь. Ты говоришь, что пьешь, надеясь убить в себе отвращение ко лжи.

БРИК: Ты просил сказать, почему я пью.

БОЛЬШОЙ ПА: Но разве виски – единственное средство убить это отвращение?

БРИК: Теперь да.

БОЛЬШОЙ ПА: Но так ведь не было?

БРИК: Тогда я был еще молод и верил. Человек пьет в надежде забыть, что он уже не молод и ни во что больше не верит...

БОЛЬШОЙ ПА: Во что ты верил?

БРИК: Верил...

БОЛЬШОЙ ПА: Но во что?

БРИК (упрямо): Верил.

БОЛЬШОЙ ПА: Не знаю, какого черта ты имеешь в виду под дурацким словом «верил». Похоже, ты и сам понятия не имеешь, что это значит. Но если у тебя еще сохранилась страсть к спорту, вернись в будку комментатора...

БРИК: Сидеть в стеклянной кабине и наблюдать за игрой, в которой сам не принимаешь участия? Описывать то, что сам уже не можешь сделать, в отличие от игроков? Потеть от напряжения, переживать все острые моменты игры, для которой сам не годишься? Пить кока – колу, разбавленной виски? Думаешь, я могу это вынести? Это все не то, отец. Время обогнало меня... Пришло первым...

БОЛЬШОЙ ПА: Просто сваливаешь с себя ответственность за свои неудачи: виновато время, «отвращение» ко лжи. Чушь собачья! Пустые слова. На этом ты меня не проведешь.

БРИК: Я был вынужден тебе кое – что объяснить, чтобы ты дал мне выпить.

БОЛЬШОЙ ПА: Ты начал пить после того, как умер твой друг Скиппер.

Молчание несколько секунд. Брик тянется рукой к костылю.

БРИК: Что ты хочешь этим сказать?

БОЛЬШОЙ ПА: Ничего. (Брик, хромая, идет на галерею, избегая внимательного и пристального взгляда отца.) Вот Гупер и Мэй считают, что было что – то не совсем обычное в ваших...

БРИК (останавливается, прислонившись к стене): Необычное?

БОЛЬШОЙ ПА: Ну, что – то не совсем нормальное было в вашей дружбе...

БРИК: Они тоже так считают? А я думал, это только намеки Мэгги... (Отрешенность Брика мгновенно исчезла. Сердце забило, лоб покрылся потом, дыхание стало убыстренным, голос хриплым. Большой Папа ведет разговор робко – для него это попытка. Брик, наоборот, яростно налетает на отца; он резок и несдержан. Мысль о том, что Скиппер умер, не выяснив отношений с ним, для Брика мучительна. Ему приходится все время

«делать вид», ибо мир, в котором живет Брик, пропитан ложью, и он пьет, чтобы убить свое отвращение к нему. В этом корень его неудач. Птица, которую я хотел поймать в гнезде этой пьесы, лежит отнюдь не в разрешении психологических проблем человека. Мне хотелось поведать об истинном опыте тех людей, что познали мрачные мгновения, иногда мимолетно объединяющие тех, кто попал под грозовую тучу кризисной ситуации. Но какая – то тайна человеческой жизни всегда остается нераскрытой и в пьесе... Последующую сцену следует играть с невероятной сосредоточенной силой, сдерживающей то, что остается недосказанным.)

БРИК: Кто еще так думает? Ты тоже? Кто еще?

БОЛЬШОЙ ПА (нежно): погоди, погоди, сынок... Я многое видел в своей жизни.

БРИК: Какое это имеет отношение к...

БОЛЬШОЙ ПА: Я сказал, погоди...

БРИК: Значит, и ты так думаешь?!

БОЛЬШОЙ ПА: Постой, не торопись...

БРИК: Ты тоже так думаешь, ты называешь меня своим сыном и педерастом. Ага! Так поэтому ты поселил меня и Мэгги в эту комнату, комнату Джека Стро и Питера Очелло, в которой эти старички – сестрички спали в одной постели и в которой они оба умерли!

БОЛЬШОЙ ПА: Только не надо бросать камни в...

В дверях на галерею появляется Священник Тукер, его голова игриво слегка задрана, на устах отработанная улыбка священнослужителя, столь же искренняя, как манок охотника – живое воплощение благочестивой привычной лжи.

БОЛЬШОЙ ПА (вдыхает при этом точно рассчитанном, но неуместном явлении): Что ищите, ваше преподобие?

СВЯЩЕННИК ТУКЕР: Мужскую уборную, ха – ха, хе – хе...

БОЛЬШОЙ ПА (с напряженной учтивостью): Вернитесь, и ступайте в другой конец галереи, ваше преподобие, воспользуйтесь туалетом у моей спальни, а если не сможете его найти, спросите кого-нибудь!

СВЯЩЕННИК ТУКЕР: Благодарю Вас. (Выходит с неодобрительным хихиканьем.)

БОЛЬШОЙ ПА: Трудно тут разговаривать...

БРИК: Сукин...

БОЛЬШОЙ ПА (не давая ему закончить): Чего я только не навидался до того благословенного года, когда, сносив все башмаки, был взят Джеком Стро и Питером Очелло к себе. Они наняли меня, а я превратил это место в огромную плантацию... А когда Джек умер... старик Питер перестал есть, как собака после смерти своего хозяина, и вскоре умер сам.

БРИК: Скиппер умер, а я не перестал есть.

БОЛЬШОЙ ПА: Но ты начал пить!

БРИК (поворачивается кругом на своих костылях и с силой швыряет стакан на пол, крича): И ты так думаешь?!

БОЛЬШОЙ ПА: Ш –ш –ш –ш! (На галерее раздаются шаги, женские голоса. Большой Папа направляется к двери.) Уходите. Просто стакан разбился.

БРИК (он сразу изменился, как будто превратился в вулкан, начавший извергать огненную лаву): И ты так думаешь?! Ты думаешь, что Скиппер и я... занимались грязным грехом?

БОЛЬШОЙ ПА: погоди.

БРИК: Думаешь, что было что – то ненормальное в нашей дружбе...

БОЛЬШОЙ ПА: Что ты так кричишь?

БРИК: Хорошо ты... думаешь о Скиппере... И обо мне...

БОЛЬШОЙ ПА: Ничего я не думаю. Ничего я не знаю. Просто я говорю тебе, что...

БРИК: Думаешь! (Теряет равновесие и падает на колени и, не ощущая боли, цепляется за кровать и пытается встать.)

БОЛЬШОЙ ПА: О, Господи!.. Держись за мою руку!

БРИК: Не нужна мне твоя рука!

БОЛЬШОЙ ПА: Зато мне нужна твоя. Встань. (Помогает ему подняться, гладит его руку с любовью и заботой.) Стал мокрый весь! И дышишь тяжело, как будто пробежал дистанцию...

БРИК (освободившись от отцовских объятий): Папа, ты потряс меня! Ты, ты... потряс меня. (Отворачивается.) Говоришь... как будто речь идет о пустяке. Когда в колледже узнали о клятве и дружбе, которую мы со Скиппером дали друг другу, то один подонок подумал что – то... Да мы не только отвернулись от него. Мы сказали ему, чтобы он убирался из кампуса. И он убрался!.. Как миленький!.. (Останавливается, переводя дух.)

БОЛЬШОЙ ПА: Куда?

БРИК: В Северную Африку, это последнее, что я о нем слышал.

БОЛЬШОЙ ПА: Ну, а я вернулся из более дальних странствий. Из самой страны смерти, и меня теперь не так легко чем-нибудь потрясти. (Направляется в глубину сцены.) Видишь ли, мои плантации слишком велики, чтобы заразиться чужими идеями. Одно только можно вырастить на плантации, более важным, чем хлопок, – это терпимость. И я взрастил ее в себе. (Поворачивается к Брику.)

БРИК: Почему не может быть настоящей, глубокой дружбы между двумя мужчинами? Почему... надо обязательно думать...

БОЛЬШОЙ ПА: Может. Успокойся! Ради бога.

БРИК: Довольно. (В том, как он произносит это слово, мы оцениваем его широкое и глубокое традиционное воспитание, что он получил от мира, увенчавшего его когда – то ранними лаврами.)

БОЛЬШОЙ ПА: Я говорил Мэй и Гуперу...

БРИК: Эти двое могут оболгать кого угодно! Суки! У нас со Скиппером была настоящая дружба с мальчишеских лет, почти всю жизнь, пока Мэгги не вбила себе в голову то, о чем ты говоришь. Нормальна такая дружба? Нет!.. В наше время это слишком большая редкость, чтобы считаться нормальной.

БОЛЬШОЙ ПА: Брик, никто не думает, что это ненормально.

БРИК: Они ошибаются! Чистые, искренние отношения – это уже не норма теперь! (Они оба довольно долго молча смотрят друг на друга. Постепенно напряжение падает и оба отворачиваются, как бы устав друг от друга.)

БОЛЬШОЙ ПА: Да, как – то... трудно... говорить.

БРИК: Ну и давай закончим разговор...

БОЛЬШОЙ ПА: А почему все – таки Скиппер сломался? Почему ты стал пить?

Брик вновь смотрит на отца. Вдруг он решил, сам не зная почему, сказать отцу, что он умрет от рака. Только так он может сравнять с ним счет: одна недопустимая вещь в обман на другую.

БРИК (зловеще): Хорошо, ты сам этого хотел, Па. Вот мы, наконец, и пришли к тому разговору, которого ты так хотел. Поздно останавливаться. Покончим со всем одним махом. (Ковыляет к бару.) У – гу... (Открывает ведро и достает серебряными щипчиками кусочек льда, любуясь его ослепительной белизной.) Мэгги утверждает, что мы со Скиппером после колледжа пошли в футбол только потому, что боялись стать взрослыми... (Ходит по комнате, сильно стуча костылем и волоча больную ногу. Как в свое время Маргарет, он обращался к зрительному залу с устремленным в одну точку взглядом. Перед нами человек, трагически говорящий правду.) Мы хотели всю жизнь перебрасываться мячом... делать эти длинные, длинные... высокие, высокие... передачи, которые... никто бы не мог перехватить – только время, всю жизнь только с лету проводить атаки, которые сделали нас знаменитыми. И мы играли весь первый сезон и забрасывали мячи высоко... Но тем летом Мэгги поставила ультиматум – теперь или никогда, и я женился на ней...

БОЛЬШОЙ ПА: А как Мэгги в постели?

БРИК (криво усмехнувшись): Потрясающе. Как никто! (Большой Папа кивает, будто он был уверен, что это именно так.) Она ездила с командой, только и делала вид, что она своя в

доску. Носила на голове высокую шапку из медвежьего меха, кротовую шубку, выкрашенную в красный цвет. Экстравагантна бала до сумасшествия. Снимала танцевальные залы, и мы отмечали там наши победы, не отменяя банкеты, даже если мы, случалось... проигрывали... Мэгги – Кошка! Ха! Ха! (Большой Папа кивает.) А Скиппер... У него вдруг повторился приступ, доктора не могли диагноз, а я получил травму... Лежал на больничной койке и следил за игрой по телевизору. Видел, как Мэгги подседа к Скипперу на скамье запасных, когда его заменили: он еле ногу волочил! Меня бросило в жар, когда она повисла у него на руке! Дело в том, что Мэгги чувствовала себя покинутой – ведь мы с ней, в сущности, никогда не были друг другу ближе, чем двое людей, лежащих в одной постели... никогда не были ближе двух кошек на заборе. Итак! Мэгги не теряла времени и взялась обрабатывать беднягу Скиппера. Она вбила ему в голову дурацкую идею, будто мы – я и Скиппер – боимся секса, и у нас в этом плане не все в порядке. И бедняга Скиппер лег в постель с Мэгги, чтобы доказать ей, что это неправда!.. А когда у него вдруг что – то не вышло, так растерялся, что, видимо, и сам поверил во всю эту чепуху. Скиппер сломался, как прогнивший пруттик... Никто так быстро не спивался, и никто так быстро не умирал от пьянства... Теперь ты удовлетворен?

БОЛЬШОЙ ПА (слушая эту историю с недоверчивой улыбкой. Смотрит на Брика): А ты удовлетворен?

БРИК: Чем?

БОЛЬШОЙ ПА: Этой полуправдой для дураков?

БРИК: Что же здесь полуправда для дураков?

БОЛЬШОЙ ПА: Чего ты не договариваешь? Чего – то не хватает в твоём рассказе.

БРИК (телефонный звонок раздается в холле, Брик вздрагивает и говорит, как будто вспомнив о чем – то): Да!.. Я упустил разговор по телефону со Скиппером, когда он пьяный позвонил мне и признался в этой истории. Я бросил трубку!.. Это был мой последний разговор с ним в жизни. (Телефон в холле продолжает звонить, кто – то поднял трубку, но слов почти не слышно.)

БОЛЬШОЙ ПА: Ты бросил трубку?

БРИК: Бросил! Господи! Ну и что?

БОЛЬШОЙ ПА: Вот в чем дело! Вот мы и добрались, наконец, до того, что вызывает у тебя отвращение. Ты, оказывается, лжешь самому себе. Ты! Ты вырыл могилу своему лучшему другу и столкнул его в яму! Ты даже не объяснился с ним!

БРИК: То была его правда, не моя.

БОЛЬШОЙ ПА: Его правда? О'кей. Но у тебя не хватило сил посмотреть правде в глаза.

БРИК: Кто может посмотреть правде в глаза? Ты сможешь?

БОЛЬШОЙ ПА: Не начинай сваливать на других свою вину, мой мальчик! Это не честно!

БРИК: А как насчет сегодняшнего поздравлений и пожеланий в день твоего рождения, когда все знают, кроме тебя, что это последний год твоей жизни!

Кто – то в холле отвечает, слышан смех по телефону, чей – то голос любезно отвечает: «Нет, нет, все это неверно. Это, конечно, ошибка. Вы с ума сошли». Брик внезапно приходит в себя и осознает, что он раскрыл отцу. Старается не смотреть на искаженное ужасом лицо отца.

БРИК: Пойдем... пойдем отсюда...

Большой Папа внезапно выхватывает у него костыль, как будто это оружие, из-за которого они боролись.

БОЛЬШОЙ ПА: Нет. Нет. Никого не выйдет отсюда. Что ты сказал?

БРИК: Не помню.

БОЛЬШОЙ ПА: «Поздравления в день рождения, когда все знают, кроме тебя, что это последний год твоей жизни»?

БРИК: А, дьявол, забудь, папа. Пойдем на галерею, поглядим на фейерверк в честь

твоего рождения...

Небо освещается зелеными огнями фейерверка.

БОЛЬШОЙ ПА: Договори все до конца!

БРИК (глотаая кусочки льда из стакана, глухим голосом): Дело свое оставь Гуперу, Мэй и пяти маленьким обезьянам. Вот все, что я хочу.

БОЛЬШОЙ ПА: «Дело свое оставь», говоришь.

БРИК: Все эти двадцать восемь тысяч акров богатейшей земли...

БОЛЬШОЙ ПА: Кто сказал, что я должен оставить свое дело Гуперу или кому-то еще? Мне еще жить лет пятнадцать – двадцать. Я тебя еще переживу. Еще придется тебе гроб покупать.

БРИК: Конечно... А теперь пойдем посмотрим фейерверк. Пошли.

БОЛЬШОЙ ПА: Наврали? Они наврали? О заключении из клиники? Они... они... нашли. Рак. Может быть... Рак?

БРИК: Ложь – это система жизни, в которой мы живем. Виски – один выход, смерть – другой. (Берет костыль из сразу ослабших рук отца и, шатаясь, выходит на галерею, оставляя за собой двери открытыми. Слышна песня «Собираем кипы хлопка».)

МЕЙ (появляясь в дверях): Ох, Большой Папа, это поют для вас.

БОЛЬШОЙ ПА (дико вопит): Брик!!! Брик!!!

МЕЙ: Он пьет на галерее, Большой Па!

БОЛЬШОЙ ПА: Брик!

Мэй исчезает, испуганная его яростью. Дети зовут Брика, передразнивая Большого Папу. Лицо Большого Папы похоже на разбитую пожелтевшую маску, разваливающуюся на куски. В небе пылают огни фейерверка. Брик возвращается, серьезный, притихший, абсолютно трезвый.

БРИК: Прости, отец. У меня голова совсем не работает. Мне трудно понять, как это кто-то еще интересуется, жив он, мертв, или собирается умереть. И как это люди могут еще чем-то интересоваться, кроме того, осталось ли еще что в бутылке. Что я сказал, я сказал, не подумав. В чем-то я не лучше других, в чем-то хуже, поскольку я уже не живой человек. Может быть, людей вынуждает лгать то, что они еще живы, а я уже не живой человек, и потому случайно говорю правду... Не знаю, но как бы там ни было... мы с тобой друзья... а друзья должны говорить друг другу правду... (Пауза.) Ты сказал мне, я – тебе.

Ребенок вбегает в комнату с пригоршней бенгальских огней, крича «Бах! Бах! Бах! Бах!» И выбегает снова.

БОЛЬШОЙ ПА: Господи! Черт возьми весь этот проклятый, лживый мир! Лживые суки, лгущие друг другу. (Направляется к двери, оглядывается назад, в его глазах – какой-то немой вопрос, он как бы не может найти слов. Затем удовлетворенно кивает и говорит хриплым голосом.) Все лгут, все врут, врут и врут. Врут и врут. Лгут идохнут. (Это он произносит с яростным отвращением. Идет к выходу.) Врут и врут. Врут идохнут.

Голос его затихает. Слышен звук шлепка. Кто-то шлепает разбалававшегося ребенка. Брик неподвижно стоит, пока гаснет свет.

Конец второго действия

Действие третье

Действие начинается в тот же момент, что кончилось предыдущее.

Входит Мэй и преподобный Тукер.

МЕЙ: Где Па? Большой Па?

БОЛЬШАЯ МА (входит): От запаха фейерверка меня слегка тошнит. Где Большой Па?

МЕЙ: Именно это я хотела бы сама узнать. Куда он делся?

БОЛЬШАЯ МА: Полагаю, закрылся у себя. Улегся в постель.

Входит Гупер.

ГУПЕР: Где Большой Па?

МЕЙ: Не знаем.

БОЛЬШАЯ МА: Должно быть, в постели.

ГУПЕР: Значит, можно поговорить.

БОЛЬШАЯ МА: Поговорить? О чем?

На галерее появляется Маргарет, она разговаривает с доктором Бау.

МАРГАРЕТ (нараспев): Наша семья освободила своих рабов за десять лет до отмены рабства, мой прапрадедушка отпустил своих рабов за пять лет до гражданской войны!

МЕЙ: Бог ты мой! Мэгги снова взобралась на свое генеалогическое древо.

МАРГАРЕТ (приветливо): В чем дело, Мэй? А где Большой Па?

Темп сцены должен быть очень велик. Большая суматоха в южной семье.

БОЛЬШАЯ МА (обращаясь сразу ко всем): Большой Па, наверное, очень устал. Он любит своих близких, любит, когда собираются вокруг него, но все это нелегко выдержать. Он сам не свой был весь вечер. Просто сам не свой, неудивительно, что он не выдержал.

СВЯЩЕННИК ТУКЕР: Он потрясающе выглядел.

БОЛЬШАЯ МА: Еще бы! Вы видели, как он ел за столом? Вы видели, как он съел ужин за один присест? Да он как лошадь ел!

ГУПЕР: Надеюсь, ему пойдет на пользу.

БОЛЬШАЯ МА: Вы видели, какой он съел кусок хлеба с патокой? Да еще виски прихлебнул.

МАРГАРЕТ: Это он любит. Настоящий деревенский обед.

БОЛЬШАЯ МА (перебивая): Ну да! Просто обожает. А кисель из ревеня? Да он столько умял, что негр с плантации может позавидовать!

ГУПЕР (с мрачным удовлетворением): Как бы не пришлось ему за это расплачиваться...

БОЛЬШАЯ МА (резко): В чем дело, Гупер?

МЕЙ: Гупер хочет сказать, что папе может быть плохо ночью.

БОЛЬШАЯ МА: Ах, брось ты: Гупер сказал, Гупер сказал. Почему это папе будет плохо, раз у него такой аппетит? Он совершенно здоров, только нервы не в порядке, а так он здоров, как бык! А сейчас все волнения позади. Он и ест как человек. У него такая гора с плеч свалилась. Ведь он уже думал, что обречен...

МАРГАРЕТ (печально и мягко): Благослови его, Господи...

БОЛЬШАЯ МА (подходя): Да, да, благослови. А где Брик?

МЕЙ: Вышел.

ГУПЕР: Все пьет.

БОЛЬШАЯ МА: Сама знаю, что пьет. Можете мне не твердить все время, что Брик пьет. И так вижу, что мальчик пьет, без ваших подзуживаний.

МАРГАРЕТ: Ну и прекрасно, Большая Ма! (Аплодирует.)

БОЛЬШАЯ МА: Все пьют и пили всегда, и будут пить, коль скоро есть на свете спиртное.

МАРГАРЕТ: Именно так. Я лично не доверяю непьющему мужчине.

МЕЙ: Гупер не пьет. Так ты и ему не доверяешь?

МАРГАРЕТ: Гупер, неужели ты не пьешь? Если б я знала, никогда бы так не сказала...

БОЛЬШАЯ МА: Брик!

МАРГАРЕТ: По крайней мере в твоём присутствии. (Мелодично смеется.)

БОЛЬШАЯ МА: Брик!

МАРГАРЕТ: Он все еще на балконе. Я его приведу, и мы сможем поговорить.

БОЛЬШАЯ МА (беспокойно): Что это за таинственный разговор такой? (Неловкая пауза. Она переводит взгляд с лица на лицо, слегка икает, бормочет извинения. Открывает веер, подвешенный на тесемке вокруг шеи, черный кружевной веер, идущий к ее черному кружевному платью, и нетерпеливо обмахивается, тревожно глядя на присутствующих, пока Маргарет зовет Брика, распеваящего на балконе.) Не понимаю, что случилось, почему у вас

такие вытянутые лица? Ну-ка, Гупер, открой дверь в залу,пусти немного воздуха.

МЕЙ: Мне кажется, Большая Ма, что лучше бы дверь не открывать, пока мы не поговорим.

БОЛЬШАЯ МА: Преподобный Тукер, может быть, вы откроете дверь?

СВЯЩЕННИК ТУКЕР: Конечно, Большая Мама.

МЕЙ: Мне просто кажется, что Большому Па лучше бы не знать о нашем разговоре.

БОЛЬШАЯ МА: Ну и сказала! Да если Большой Па захочет, он все услышит, что говорится в его доме!

ГУПЕР: Да не в этом дело.

Мэй сильно толкает его в бок, чтобы он замолчал. Он яростно смотрит на нее, в то время как она делает перед ним круги, словно какая-то неуклюжая балерина, подняв тощие руки над головой, звеня браслетами и восклицая.

МЕЙ: Ветерок! Ветерок!

СВЯЩЕННИК ТУКЕР: У вас, пожалуй, самый прохладный дом в Дельте. А вы знаете, что вдова Холси Бэнкса поставила в память о муже кондиционер и в церковь, и в дом священника во Фрайорс Пойнте?

Общий разговор возобновляется. Каждый болтает так, что сцена производит впечатление большой клетки с непрерывно щебечущими птицами.

ГУПЕР: Жаль, что никто не позаботился о вашей церкви, преподобный Тукер. Вы, должно быть, потом обливаются, стоя за кафедрой по воскресеньям.

СВЯЩЕННИК ТУКЕР: Да, одеяния хоть выжимай.

МЕЙ (в то же самое время, обращаясь к доктору Бау): Как вы думаете, доктор, инъекции витамина В-12 действительно так хороши?

ДОКТОР БАУ: Если вам нравится колоться, то чем именно, совершенно неважно.

БОЛЬШАЯ МА (у двери на галерею): Мэгги, Мэгги, где вы там с Бриком?

МЕЙ (неожиданно громко, так что все замолчали): У меня странное чувство! Очень странное чувство!

БОЛЬШАЯ МА (оборачиваясь): Что за чувство?

МЕЙ: Мне кажется, Брик что-то не то сказал Большому Па.

БОЛЬШАЯ МА: Что же он мог сказать ему «не то»?

ГУПЕР: Дело в том...

МЕЙ: Да подожди ты!

Она бросается к Большой Маме, гладит ее и целует. Та нетерпеливо ее отталкивает, а в это время образовавшаяся паузу заполняет голос преподобного Тукера.

СВЯЩЕННИК ТУКЕР: Да, в прошлое воскресенье золото на моей ризе превратилось в багрянец...

ГУПЕР: Вы, должно быть, про адское пламя говорили в своей проповеди?

Он похохатывает над своей шуткой, но преподобному Тукеру не очень весело. В это время Большая Мама подходит к доктору Бау и обращается к нему.

БОЛЬШАЯ МА (ее задыхающийся голос поднимается над всеми другими): В мое время пьяниц лечили по методу Келли. А сейчас, я слышала, принимают какие-то таблетки. Но Брику совершенно ничего не требуется. (Появляется Брик, Маргарет за ним. Большая Мама не замечает его появления.) Просто он не смог пережить смерть Скиппера. Вы же помните, как умер этот бедняга. Ему всадили огромную дозу вамбутала дома, потом вызвали «скорую помощь», в больнице ввели еще одну дозу, и все это вместе, да еще и алкоголь, которым он прямо-таки пропитался за долгое время, – сердце не выдержало... Я так боюсь всяких уколов! И что это за манера – колоться! По мне уже лучше нож, чем шприцы. Сколько народу погубили этими уколами... (Резко замолкает и оборачивается.) А! Вот и Брик! Мальчик мой драгоценный! (Протягивая руки, направляется к Брику с коротким, громким придыханием. Оно комично, и трогательно одновременно.)

Брик усмехается, слегка склоняет голову, с насмешливой галантностью пропуская Мэгги первой в комнату. Затем, опираясь на костыль, ковыляет к бару. Воцаряется полная

тишина. Все смотрят на Брика, как смотрели всегда, стоило ему появиться или сказать что-то. Он по одному бросает несколько кубиков льда в стакан, затем неожиданно, но не спеша, оборачивается через плечо со сдержанной, очаровательной улыбкой и говорит.

БРИК: Прошу прощения! Еще кого-нибудь ждем?

БОЛЬШАЯ МА (грустно): Ах, сынок! Лучше не надо!

БРИК: Конечно, не надо, но я никак не дождусь щелчка в голове. После которого можно успокоиться!

БОЛЬШАЯ МА: Брик, Брик, ты разбиваешь мне сердце!

МАРГАРЕТ (в то же самое время): Брик, пойдись рядом с Большой Мамой.

БОЛЬШАЯ МА: Это невыноси – и – и – мо... (Рыдает.)

МЕЙ: Теперь мы все в сборе...

ГУПЕР: Можем поговорить...

БОЛЬШАЯ МА: Невыносимо... (Три раза всхлипывает. Это звучит почти как три удара в литавры.)

БРИК: Сядь сама, Мэгги. Я ведь калека, без костыля не могу. (Ковыляет к двери на галерею, стоит, прислонившись к косяку, как бы в ожидании.)

Мэй садится рядом с Большой Мамой, в то время как Гупер садится напротив нее. Преподобный Тукер помещается между ними. Доктор Бау стоит, глядя в пространство перед собой, и зажигает сигарету. Маргарет отворачивается.

БОЛЬШАЯ МА: Что это вы меня окружили? Почему вы все так смотрите, да еще переглядываетесь?

Преподобный Тукер отступает назад, пораженный.

МЕЙ: Сначала успокойтесь.

БОЛЬШАЯ МА: Сама, сама успокойся. Как я могу успокоиться, когда все на меня смотрят, будто у меня кровь на лице выступила? Что это все значит? А? Что?

Гупер откашливается и занимает центральное положение.

ГУПЕР: Начинайте, доктор Бау.

МЕЙ: Доктор...

БРИК (неожиданно): Ш-ш-ш! (Потом коротко ухмыляется и с сожалением качает головой.) Нет, не то – не щелкнуло.

ГУПЕР: Брик, заткнись или выйди на балкон со своим бокалом! Нам надо серьезно поговорить. Большая Мама должна знать всю правду о заключении, которое пришло сегодня из клиники Очнера.

МЕЙ (с готовностью): О состоянии Большого Па!

БОЛЬШАЯ МА (с ужасом приподнимаясь): А что? Разве? Разве я чего-то не знаю? (В этих нескольких словах, в этом испуганном, едва слышном вопросе Большая Ма переживает всю свою сорокапятилетнюю жизнь с Большим Па, свою огромную, на удивление чистосердечную и безоговорочную преданность ему. Должно было быть в нем что-то, родящее с Бриком, который возбуждал любовь просто потому, что сам не настолько отдавался любви, чтобы потерять свою очаровательную отстраненность. И также как у Брика, это сочеталось с мужественной красотой. Весь облик Большой Мамы приобретает какое-то особое достоинство в этот момент. Она даже не кажется грузной и старой.)

ДОКТОР БАУ (после паузы, неохотно): Так что? Да!

БОЛЬШАЯ МА: Я – хочу – знать! (В эту же секунду она подносит кулак ко рту, как будто на самом деле хочет обратного. Затем, по какой-то непонятной причине, она срывает поблекший корсаж с груди, бросает его на пол и топчет его своими короткими ножками.) Кто-то здесь лжет! Я должна все знать!

МЕЙ: Присядьте, Большая Мама, присядьте на диван.

МАРГАРЕТ (быстро): Брик, иди сядь с Большой Мамой.

БОЛЬШАЯ МА: Ну что? Что?

ДОКТОР БАУ: За всю свою практику я никогда не видел более тщательного обследования, чем то, которое Большой Па Поллит прошел в клинике Очнера.

ГУПЕР: Она из самых лучших в стране.

МЕЙ: Она просто самая лучшая, лучше нет! (Почему-то она злобно толкает Гупера, проходя мимо него.)

Он хлопает ее по руке, не отводя глаз от матери.

ДОКТОР БАУ: Разумеется, еще до анализов у них была почти стопроцентная уверенность.

БОЛЬШАЯ МА: В чем уверенность? (Она переводит дыхание после неожиданного всхлипывания.)

Мэй быстро целует ее. Большая Мама сердито отталкивает Мэй от себя, не отрывая глаз от доктора.

МЕЙ: Мужайтесь, мамуля!

БРИК (стал в дверях проема, тихо): В сиянии, в сиянии холодной луны...

ГУПЕР: Да заткнись ты, Брик.

БРИК: Ах, простите. (Удаляется на галерею.)

ДОКТОР БАУ: А теперь, как вы понимаете, они взяты на исследование кусочек опухолевой ткани...

БОЛЬШАЯ МА: Опухолевой? Вы же ему сказали... (Страстно.) Вы же сказали и мне, и Большому Па, что там ничего страшного нет... Что это всего лишь спазмы... (Со всхлипыванием переводит дыхание.)

ДОКТОР БАУ: Так сказали Большому Папе. Но образец ткани исследовали в лаборатории и, к сожалению, ничего утешительного не нашли. Она злокачественная. (Пауза.)

БОЛЬШАЯ МА: Рак?! Рак?!

Доктор Бау сурово кивает головой. Большая Мама издает долгий сдавленный крик.

Мей и ГУПЕР: Ну, не надо, не надо, не надо, мама. Вы ведь должны знать.

БОЛЬШАЯ МА: Почему не сделали операцию. Почему не вырезали? А? А?

ДОКТОР БАУ: Невозможно, Большая Ма. Слишком сильно разрослось.

МЕЙ: Понимаете, мама, и печень, и почки – везде метастазы.

ГУПЕР: Неоперабельно.

МЕЙ: Вот именно.

Большая Мама ловит воздух ртом, словно умирающий.

ДОКТОР БАУ: Слишком поздно оперировать.

МЕЙ: Вот почему он так пожелтел, мамочка!

БОЛЬШАЯ МА: Уйди, уйди от меня, Мэй! (Резко поднимается.) Дайте мне Брика! Где Брик? Пусть Брик мне скажет! Брик! Брик!

МАРГАРЕТ (пробуждаясь от своих размышлений в углу): Брик так расстроился, что ушел на балкон.

БОЛЬШАЯ МА: Брик!

МАРГАРЕТ: Мама, разрешите, я вам скажу!

БОЛЬШАЯ МА: Не надо, не надо, оставь меня в покое, ты не нашей крови!

ГУПЕР: Мама, послушай меня!

МЕЙ: Гупер ваш сын, мама, он первенец!

БОЛЬШАЯ МА: Гупер никогда не любил отца.

МЕЙ (делает вид, что ужасно оскорблена): Но это же неправда!

Пауза. Священник кашляет и встает.

СВЯЩЕННИК ТУКЕР (обращаясь к Мэй): Кажется, мне лучше удалиться.

МЕЙ (любезно и печально): Да, преподобный Тукер, идите.

СВЯЩЕННИК ТУКЕР (смушенно): Спокойной ночи, спокойной ночи всем вам... Господь вас благослови... (Выскакивает за дверь.)

ДОКТОР БАУ: Он хороший человек, только такта не хватает. Только и слышишь от него, как кто-то завещал церкви витражи, ну, помянул один раз, и ладно, так нет же, ему надо дюжину случаев припомнить. Да еще прибавит, как плохо умереть без завещания, сколько бывает судебных проволочек.

Мэй покашливает и указывает на Большую Маму.

ДОКТОР БАУ: Так вот, Большая Ма... (Вздыхает.)

БОЛЬШАЯ МА: Это ошибка. Какой-то дурной сон.

ДОКТОР БАУ: Конечно, мы будем поддерживать его всеми доступными средствами.

БОЛЬШАЯ МА: Нет, нет, это дурной сон, просто сон, кошмарный сон.

ГУПЕР: Мне кажется, что отца мучают боли, только он не хочет признаться себе.

БОЛЬШАЯ МА: Сон, только сон.

ГУПЕР: Папу пора колоть морфием.

БОЛЬШАЯ МА: Никому не позволю колоть папу.

ДОКТОР БАУ: Дело в том, что когда начинаются боли, без помощи уколов вынести их довольно трудно.

БОЛЬШАЯ МА: А я говорю, что не позволю колоть его.

МЕЙ: Но ведь вы не хотите, чтобы он страдал...

Гупер, стоя рядом с ней, изо всех сил толкает ее.

ДОКТОР БАУ (кладет сверток на стол): Я это оставляю у вас, так что если вдруг неожиданный приступ, вы сами сможете справиться.

МЕЙ: Я умею делать уколы.

ГУПЕР: Мэй окончила курсы медсестер.

МАРГАРЕТ: Как-то не верится, что Большой Па позволит Мэй колоть себя.

МЕЙ: Он, конечно, тебя позовет для этого?

Доктор Бау встает.

ГУПЕР: Доктор Бау уходит.

ДОКТОР БАУ: Да, мне пора идти.

Большая Мама всхлипывает.

ГУПЕР (у двери с доктором Бау): Будьте уверены, доктор, мы не забудем, что вы для нас сделали. Мы вам очень признательны за все...

Доктор Бау вышел, даже не взглянув на него.

ГУПЕР: Конечно, доктор всякого навидался, но мог бы, право, быть чуть-чуть почеловечнее. (Большая Мама всхлипывает.) Не раскисай, мамочка.

БОЛЬШАЯ МА: Неправда, я знаю, это не правда!

ГУПЕР: Мама, точность анализа гарантирована!

БОЛЬШАЯ МА: А ты словно предвкушаешь его смерть!

МЕЙ: Мама, как вы можете!

МАРГАРЕТ (мягко): Я понимаю, что она хочет сказать.

МЕЙ (злобно): Ах ты понимаешь?

МАРГАРЕТ (спокойно и очень грустно): Да, кажется, понимаю.

МЕЙ: Прямо-таки бездна понимания для нового человека в семье.

МАРГАРЕТ: Вот понимания как раз и не хватает.

МЕЙ: Да уж, в твоей-то семье, Мэгги, оно требовалось в избытке! С отцом-алкоголиком, а теперь еще и с Бриком!

МАРГАРЕТ: Брик совсем не алкоголик. Просто он очень преданный сын. Вся эта история на нем тяжело отразилась.

БОЛЬШАЯ МА: Брик настоящий сын Большого Па, но пьет он чересчур много. Мы с папой очень обеспокоены. Знаешь, Маргарет, нам надо всем вместе, тебе и нам, что-то предпринять, чтобы как-то Брику помочь. Большой Па будет очень страдать, если Брик не возьмет себя в руки и не займется хозяйством.

МЕЙ: Каким хозяйством, мама?

БОЛЬШАЯ МА: Плантацией.

Гупер и Мэй обмениваются быстрыми и злобными взглядами.

МЕЙ: Большой Па никогда, никогда не позволит себе такую глупость, чтобы...

ГУПЕР: ...отдать хозяйство в безответственные руки!

БОЛЬШАЯ МА: Большой Па ничего ни в чьи руки передавать не собирается. Он о

смерти и не думает. Вбейте себе это в башку, все вы!

МЕЙ: Мамочка, мамочка, мы тоже надеемся на лучшее, как и вы. Мы тоже верим в силу молитв, но ведь есть какие-то вещи, которые в любом случае требуют обсуждения...

ГУПЕР: Нужно все предусмотреть, и сейчас самое подходящее время... Мэй, будь добра, принеси мой портфель из комнаты!

МЕЙ: Сейчас, милый. (Она поднимается и выходит.)

ГУПЕР: Так вот, мамуля. Все, что ты сейчас говорила, никакого отношения к действительности не имеет, и ты прекрасно это знаешь. Я всегда любил Большого Папу, любил по-своему, без рекламы. И он меня тоже любил и тоже своих чувств не афишировал.

Мэй возвращается с портфелем.

МЕЙ: Вот портфель, дорогой.

ГУПЕР: Спасибо. Разумеется, мои отношения с Большим Па строились на иной основе, чем у Брика.

МЕЙ: Ты его старше на восемь лет и все бремя ответственности нес на своих плечах. Что до Брика, то он вряд ли себя обременял чем-нибудь, кроме мяча или стаканом с виски.

ГУПЕР: Ты мне дашь когда-нибудь закончить, Мэй?

МЕЙ: Да, милый.

ГУПЕР: Так вот, управлять плантацией в двадцать восемь тысяч акров – дело очень ответственное.

МЕЙ: Да еще без всякой помощи.

Маргарет вышла на галерею. Слышно, как она негромко окликает Брика.

БОЛЬШАЯ МА: О чем ты говоришь? Когда ты здесь чем управлял? Тебя послушать, так Большой Па уже в могиле, и ты тут самый главный! Ну, помог ты ему пару раз по каким-то мелочам, но и контору свою в Мемфисе не бросил!

МЕЙ: Ах, мамочка! Как же вы несправедливы. Да ведь Гупер здесь дневал и ночевал пять последних лет, как Большой Па начал хворать. Сам-то Гупер ничего не скажет, он ведь не повинность нес, он дело делал. А Брик что? Брик все грелся в лучах своей прошлой славы игрока!

МАРГАРЕТ (возвращается одна): О чем это вы тут говорите? О Брикe? Игрок? Он уже не игрок, вы прекрасно знаете. Он спортивный комментатор и, кстати, один из лучших в стране!

МЕЙ: Я говорю о его прошлом.

МАРГАРЕТ: Лучше бы вы вообще не говорили о моем муже.

ГУПЕР: Я имею полное право обсуждать своего брата с другими членами собственной семьи, к которым ты не принадлежишь. Ты бы лучше пошла и выпила с Бриком за компанию.

МАРГАРЕТ: Сколько злобы к родному брату!

ГУПЕР: А он ко мне как? Да он в одной комнате не желает со мной оставаться!

МАРГАРЕТ: Я знаю, зачем вам нужно без конца преднамеренно поносить его! За всем этим одна жадность! Жадность и скопидомство!

БОЛЬШАЯ МА: О, я с ума сойду! Я с ума сойду, если вы сейчас же не прекратите!

Гупер подступает к Маргарет с руками, сжатыми в кулаки, как будто собирается ударить ее. Мэй строит за ее спиной злобную гримасу.

МАРГАРЕТ: Мы и живем-то здесь только из-за Больших Ма и Па. Если то, что говорят про папу, правда, мы и секунды здесь не задержимся, когда все будет кончено.

БОЛЬШАЯ МА (всхлипывает): Маргарет, дорогая. Иди сюда, посиди со мной.

МАРГАРЕТ: Мамочка, золотая вы моя. Простите, простите!.. (Склоняет свою длинную, изящную шею, чтобы прижаться лбом к плечу Большой Мамы, округлившись под черным шифоном.)

ГУПЕР: Как мило, как трогательно, какое изъятие преданности!

МЕЙ: А знаешь, почему она бездетна? Просто этот роскошный атлет, ее муж, не желает спать с ней!

ГУПЕР: Не хотите, значит, по-хорошему? Ладно. У нас пять ребяташек с Мэй, да еще шестой на подходе! И мне плевать на то, любит меня Большой Па или не любит. Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Не скрою, меня всегда коробило, что отецечно предпочитал Брика с самого момента его рождения. На меня он великолепнейшим образом плевал, а иногда я и этого не устаивался. А сейчас он умирает от рака, у него метастазы по всему телу, и в почках тоже. У него начинается уремия, а вы знаете, что это такое – организм не может избавиться от ядов.

МАРГАРЕТ (в сторону): Яды! Яды! Мысли ядовитые и слова! В сердцах и умах! – вот где настоящие яды!

ГУПЕР (перекрикивая ее): Я хочу честной сделки и добьюсь ее. А если не добьюсь, если кто хочет словчить за моей спиной, пусть не надеется: я все-таки юрист и свой интерес не упущу. А! Вот и мы наконец!

С галереи появляется Брик. Лицо его туманит безучастная улыбка, в руках у него пустой стакан.

МЕЙ: Фанфары! Вот он, герой-победитель!

ГУПЕР: Бесподобный Брик Поллит! Помните его? Никто его забыть не может!

МЕЙ: Похоже, его слегка помяли в игре!

Мэй пронзительно смеется.

МАРГАРЕТ: Сколько надо иметь злобы и зависти, чтобы все это изливать на несчастного больного?

БОЛЬШАЯ МА: А теперь замолчите обе, немедленно замолчите, я требую!

ГУПЕР: Хорошо. Семейные передраги всегда выявляют как лучшее, так и худшее в каждом члене семьи.

МЕЙ: Истинная правда.

МАРГАРЕТ: Аминь.

БОЛЬШАЯ МА: Я же сказала – замолчите! Сцепились, как кошки! В своем доме я этого не потерплю!

Мэй взглядом указывает Гуперу на портфель. Улыбка Брика стала и светлее, и неопределеннее одновременно. Подготавливая коктейль, он тихо напевает.

БРИК:

«Дорога к дому очень не легка,
О, как постель мне кажется мягка.
Нетвердою ногой
Спешу, спешу домой».

ГУПЕР: Ты не забыла, Ма, что мне надо утром быть в Мемфисе и выступать в суде?

Мэй садится на кровать и разбирает вынутые из портфеля бумаги.

БРИК (продолжает петь):

«По суше и по морю,
С волной и ветром споря».

БОЛЬШАЯ МА: Правда, Гупер?

МЕЙ: Ну, конечно.

ГУПЕР: Вот почему я вынужден поставить эту проблему.

МЕЙ: Дело безотлагательное.

ГУПЕР: Если бы Брик был трезвым, он тоже сказал бы свое слово.

МАРГАРЕТ: Брик присутствует, мы только что вошли.

ГУПЕР: Ну и прекрасно. Сейчас я вам зачту, что мы с моим партнером набросали: такой примерный документ – оформление опеки.

МАРГАРЕТ: Вот оно что! Ты, значит, будешь главный распорядитель кредитов?

ГУПЕР: Мы это составили, как только пришло заключение из лаборатории Очнеровской клиники. Ну, что значит «составили», так, в общих чертах, но не без участия Беллоуза, председателя правления банка в Мемфисе, а ведь все крупные семьи в Дельте имеют с ним дело.

БОЛЬШАЯ МА: Гупер!

ГУПЕР (склоняясь перед Большой Мамой): Нет, это, конечно, не окончательный вариант, ни в коем случае. Так, предварительный набросок.

МАРГАРЕТ: Ну, конечно.

МЕЙ: Это план, как не дать развалиться крупнейшему состоянию...

БОЛЬШАЯ МА: А теперь меня послушайте, все вы. Послушайте меня! Чтобы больше никаких кошачьих концертов у меня в доме не было! А ты, Гупер, убери свои бумажки, пока я их не схватила и не разорвала! Что там написано, я не знаю, да и знать не желаю. С вами можно только, как Большой Па, разговаривать. А я его жена. Не вдова, а именно жена! И с тобой буду говорить его словами! Плевать мне, что там у тебя. Убери, откуда достал, и чтоб глаза мои больше этого позора не видели, даже конверта. Ясно? Ишь: «за основу», «план», «предварительный», «набросок»! Я вам вот что скажу... Что там Большой Па говорит, когда его с души воротит?

БРИК (у бара): Большой Па говорит: «дерьмо!», когда его с души воротит.

БОЛЬШАЯ МА: Вот именно: «дерьмо!» Я тоже скажу «дерьмо», как Большой Па.

МЕЙ: Мне кажется, что ругань здесь не к месту.

БОЛЬШАЯ МА: Никто ничего не получит, пока Большой Па всему голова. Да и потом тоже. Даже потом.

БРИК:

«Песню я пою
Про печаль свою».

БОЛЬШАЯ МА: Сегодня Брик выглядит точно так же, как давным-давно, еще мальчиком. Когда он играл в эти ужасные игры, приходил домой весь потный, раскрасневшийся и сонный. А золотые кудри блестели на солнце... (Она подходит к нему, проводит своей полной, дрожащей рукой по его волосам.)

Брик отстраняется, как обычно, от всякого физического контакта и продолжает шепотом петь. Открывает ведро со льдом и по одному бросает в коктейль кусочки льда, с видом, будто составляет сложнейшую смесь.

БОЛЬШАЯ МА (продолжает): Время идет так быстро. Как быстро идет время!.. Его не остановишь. Только-только пожил – и уже пора умирать... Любить надо друг друга, любить, теснее собраться вместе, особенно сейчас, когда черная беда пришла к нам в дом. (Неловко обняв Брика, прижимает его голову к плечу.)

Гупер возвращает бумаги Мэй, которая укладывает их в портфель с видом усталой покорности.

ГУПЕР: Мама, а, мама? (Подходит к ней сзади, полон скрытой зависти.)

БОЛЬШАЯ МА (забыв о Гупере): Брик, ты меня слышишь?

МАРГАРЕТ: Он слышит вас, он все понимает.

БОЛЬШАЯ МА: Ах, Брик, ты ведь сын Большого Па! Он так тебя любит! Знаешь, о чем всегда мечтал? Чтобы еще при его жизни ты родил ему внука, такого же, как ты, Поллита!

МЕЙ (застегивает портфель с громким щелчком): Какая жалость, что Брик и Мэгги не могут ничего поделать!

МАРГАРЕТ (неожиданно и спокойно, но с большой силой): Прошу внимания! (Идет в центр комнаты, сжав руки перед собой.)

МЕЙ: В чем дело, Мэгги?

МАРГАРЕТ: Я хочу кое-что сообщить. У нас с Бриком будет ребенок.

Большая Мама шумно переводит дыхание. Пауза. Она встает.

БОЛЬШАЯ МА: Мэгги! Брик! Просто не верится!

МЕЙ: Вот именно, не верится.

БОЛЬШАЯ МА: Боже мой! Боже мой! Как Большой Па мечтал об этом! Надо ему поскорее об этом сообщить, прямо сейчас...

МАРГАРЕТ: Подождем до утра. Не надо его сейчас тревожить.

БОЛЬШАЯ МА: Нет, пусть он узнает еще сегодня. Наконец-то сбылась его мечта! А ты, Брик! Ребенок поможет тебе взять себя в руки, ты бросишь пить. (Выхватывает у него стакан из рук.) Ты же отец, на тебе лежит ответственность. (Лицо ее искажается, она возбужденно жестикулирует, разрыдавшись, бросается прочь из комнаты с криком.) Сейчас же иду сказать папе! (Голос ее постепенно затихает.)

Брик слегка пожимает плечами и бросает кубик льда еще в один стакан. Маргарет направляется в его сторону, что-то тихо бормоча про себя, наливает ему стакан, пронзая его горьким взглядом.

БРИК (холодно): Спасибо, Мэгги. Это хорошая порция.

Мэй подходит к Гуперу и сильно толкает его с шипящим звуком и гневной гримасой.

ГУПЕР (отталкивая ее): Брик, ты позволишь мне тоже немного выпить?

БРИК: Пожалуйста, Гупер, наливай себе.

ГУПЕР: Спасибо.

МЕЙ (пронзительно): Не думайте, что мы поверили...

ГУПЕР: Спокойно, Мэй!

МЕЙ: Не хочу! Я знаю, что все это неправда!

ГУПЕР: Заткнись!

МАРГАРЕТ: Боже ты мой! Вот не думала, что мое маленькое сообщение наделает столько шума!

МЕЙ: Она же вовсе не беременна!

ГУПЕР: А кто это сказал?

МЕЙ: Она сама.

ГУПЕР: Но доктор Бау ничего не говорил.

МАРГАРЕТ: Я не ходила к доктору Бау.

ГУПЕР: К кому же ты ходила, Мэгги?

МАРГАРЕТ: К лучшему гинекологу южных штатов.

ГУПЕР: Так, так! Ясно... (Вынимает карандаш и бумагу.) Можно, я запишу его имя?

МАРГАРЕТ: Нет, нельзя, господин прокурор.

МЕЙ: Потому что его нет в природе!

МАРГАРЕТ: Нет – он существует в природе, и ребенок мой, мой и Брика!

МЕЙ: Как можно зачать ребенка, если спать раздельно, если только конечно...

Брик поставил пластинку. Громкая джазовая музыка прерывает реплику Мэй.

ГУПЕР: Выключи!

МЕЙ: Мы прекрасно знаем, что это ложь. Мы все слышим, что у вас делается! Не воображайте, что ваш фокус пройдет и вы сможете обмануть умирающего старика.

Громкий протяжный вопль боли и ярости раздается по всему дому. Маргарет максимально убирает звук проигрывателя. Крик повторяется.

МЕЙ (в ужасе): Ты слышал, Гупер, ты слышал?

ГУПЕР: Похоже, начался приступ.

МЕЙ: Иди, проверь!

ГУПЕР: И ты со мной, пусть они немного поворкуют вместе!

Выходит первым, за ним Мэй. У двери она оборачивается с искажающим лицом и шипит, обращаясь к Маргарет.

МЕЙ: Лгунья! (Хлопает дверью.)

Маргарет облегченно вдыхает, нетвердыми шагами подходит к Брику и берет его за руку.

МАРГАРЕТ: Спасибо тебе, что ты промолчал...

БРИК: Все о'кей, Мэгги.

МАРГАРЕТ: Ты просто благородно поступил, не оскрамил меня.

БРИК: Никак не добьюсь...

МАРГАРЕТ: Чего?

БРИК: Щелчка.

МАРГАРЕТ: Щелчка в голове, после которого наступает покой, да, милый?

БРИК: Угу. Нет и нет. Обязательно надо добиться, а то не засну.

МАРГАРЕТ: Понимаю.

БРИК: Кинь мне подушку на диван, Мэгги, где я сплю.

МАРГАРЕТ: Только не сегодня, Брик.

БРИК: Я хочу на диван, там мое место. (Он ковыляет к бару. Три раза быстро плещет в стакан и стоит в ожидании, молча. Вдруг оборачивается с улыбкой и говорит.) Вот он!

МАРГАРЕТ: Кто?

БРИК: Щелчок! (Он, преисполненный чувством благодарности, выходит со стаканом на галерею. Слышно, как стучит его костыль. Через некоторое время раздастся его тихое пение)

Маргарет некоторое время потерянно стоит с подушкой в руках, как будто это ее единственный друг в жизни, затем швыряет ее на кровать. Подходит к бару, собирает в охапку все бутылки, некоторое время стоит, нерешительно оглядываясь, затем выбегает с ними из комнаты, оставив дверь слегка приоткрытой. Слышно, как Брик возвращается, напевая. Он входит, видит подушку на постели, тихо, печально смеется и поднимает ее. Когда Маргарет возвращается, подушка у него в руках. Маргарет мягко прикрывает дверь и, прислонившись к ней, улыбается Брику.

МАРГАРЕТ: Брик, я привыкла считать, что ты сильнее меня и мне с тобой не сладить. Но прожив столько лет, когда ты вечно под хмельком – знаешь, что я поняла? Нехорошо, конечно, и может, не стоит говорить, но я сильнее тебя, и чувство мое к тебе тоже сильнее. Слышишь, Брик? (Выключает все светильники, кроме одного, с шелковым розовым абажуром, стоящим у постели.) Я действительно была у доктора и знаю, Брик, что сейчас самое время!

БРИК: Понимаю, Мэгги. Но как можно зачать ребенка, если мужчина влюблен только в выпивку?

МАРГАРЕТ: А если выпивка под замком и ее не добиться, кроме как ценой определенных уступок?

БРИК: Так ты ее заперла, Мэгги?

МАРГАРЕТ: Смотри сам. Бар пуст.

БРИК: Ах, черт возьми... (Тянется к костылю.)

Она выбивает у него костыль из рук, выбегает на галерею и швыряет через ограждение. Возвращается, тяжело дыша. Слышны быстрые шаги. В комнату врывается Большая Мама. На ней нет лица, она задыхается, бормочет.

БОЛЬШАЯ МА: О, Господи, Боже мой, Боже мой, где эта штука?

МАРГАРЕТ: Это, наверное? (Подает ей пакет, оставленный доктором.)

БОЛЬШАЯ МА: Я не вынесу! О, Господи, Брик! Брик! Мальчик мой! (Бросается к нему.)

Он отворачивает лицо от ее поцелуев, смешанных со слезами. Маргарет смотрит на мать и сына с напряженной улыбкой.

БОЛЬШАЯ МА: Сынок мой, ты совсем как твой отец!

Снова раздается громкий стон. Большая Мама выбегает, вся в слезах.

МАРГАРЕТ: Сегодня ночью ложь станет правдой, и когда все будет кончено, я принесу бутылки и мы выпьем вместе, здесь, в этом доме, куда пришла смерть... Что ты сказал?

БРИК: Ничего. А что можно сказать?

МАРГАРЕТ: Дорогие вы мои слабые люди. Вы умеете только сдаваться, если не попадете в крепкие руки. (Гасит лампу под розовым абажуром.) Нежные, любящие руки.

(Занавес начинает медленно закрываться.) Я ведь очень люблю тебя, Брик!

БРИК (с очаровательной, печальной улыбкой): Смешно, если это действительно так!

Занавес

Конец

